УТВЕРЖДЕНИЯ

1

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.U88
no.1

Обложка В. Н. Никольского

УТВЕРЖДЕНИЯ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ТЕЧЕНИЙ

№ 1

ФЕВРАЛЬ 1931

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Н. А. Бердяев. Открытое письмо к пореволюционной молодежи 9

Е. Ю. Скобцова. Чем может быть пореволюционное народничество. 16

П. С. Баранецкий. О русском мессианизме. 22

Ю. А. Ширинский - Шихматов. Освобождение 38

Я. М. Меньшиков. Тени свершений. 41

Д. К. Даниленко. Пореволюционные позиции. 47

П. С. Баранецкий. Назревание событий. 52

С. В. Дмитриевский. О нашем историческом завтра. 62

В. Г. Жуков. На тему о национальном перевороте 67

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ.

М. М. Артемьев. Подпольные журналы в современной России. 71

Журнал "Путь Странника" № 1. Передовая 74

ПРОБЛЕМЫ ЭМИГРАЦИИ.

И. В. Степанов. Современный монастырь 83

А. Д. Хилков. Эмиграция и труд. 88

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

Н. А. Перфильев. О "Судьбе России" 95

ОТ РЕДАКЦИИ

I.

Между до-революционными и по-революционными течениями российской общественно-политической мысли существует коренное различие.

Прежние политические группировки отталкивались в **разные** стороны (и по различным причинам) от одной и той же исторической данности — тогдашней России — тем самым разлагая единое целое и работая на разрыв. Вся деятельность их была плоска, **двух - мерна,** — все вопросы воспринимались не столько в плане **идей,** сколько в плане **интересов** — и трактовались почти всегда матерьяльно, если не матерьялистически.

По - революционные направления в подавляющем большинстве своем определенно **трех - мерны,** ставя во весь рост проблему **духа,** выдвигая на первый план идею духовно - культурной и исторической миссии России. Исходя из часто разных отправных установок — новые течения тянутся к одной в **высшем плане** лежащей, точке — и тем самым как бы строят своим общим порывом некую незримую, но реально - мыслимую, — трехмерную, к небу устремленную пирамиду.

До-революционные направления, из различных побуждений и с разными целями, сходились в одном: в ОТРИЦАНИЯХ.

Течения по - революционные, исходя из различных предпосылок, устанавливая свою идейную преемственность из разных идеологических источников — сходятся в конечных УТВЕРЖДЕНИЯХ.

Первые имели общую ближайшую задачу — заранее зная, что они станут на завтрашний день после свержения самодержавия смертельными врагами сегоднешних союзников.

Вторые — иногда расходясь в тактических установках сегоднешнего дня — имеют общие конечные цели; с каждым шагом вперед — пути их **сближаются.**

II.

На рубеже между теми и другими заканчивает свой путь единственное направление, заслуживающее наименование **революционного,** — ныне еще держащее в своих руках судьбы страны.

Стихия Революции произвела в российских условиях особого вида метаморфозу: до - революционное течение, наиболее четко и до конца **отрицавшее** современный ему политический и социальный уклад (росс. соц. - дем. раб. партия, фракция большевиков) — преобразилось в совершенно новое и крайне своеобразное явление, принявшее название ВКП (б).

Группа теоретиков и профессиональных революционеров, оказавшаяся на гребне народной волны, по существу ей чрезвычайно **чужеродной,** — сумела не только к этой волне приспособиться, но постепенно и видоизменить как свою политическую платформу — так и весь свой социальный облик (советский строй, рабоче - крестьянскость, теория построения социализма в одной стране и т. д.).

Можно сказать, что ВКП впитала в себе стихию Революции и что Революция, в известном смысле, на данном своем этапе, несомненно олицетворяется компартией.

Борясь с компартией — мы тем самым преодолеваем и марксистско - матерьялистический этап Революции.

III.

К проблеме Революции нельзя подходить упрощенно, как многие склонны это делать. Нельзя забывать, что она не только кризис России: она — кризис всей современной цивилизации.

В плане историческом — Революция есть **конец,** катастрофическое завершение до - революционного цикла; она исторически закономерна, неся в себе предел тех **отрицаний,** которые должны были реализоваться, изжить себя и быть преодоленными, чтобы оказалось возможным **начало:** грядущие УТВЕРЖДЕНИЯ.

Однако в плане жизненном нельзя провести точную грань между концом старого и началом нового; это возможно лишь в отвлеченном, умозрительном построении. В узле, стянутом Революцией, — сосуществуют, сплетены и борются две стихии: стихия разрушительная, завершающая до - революционный цикл — и творчески - созидательная, наростающая стихия, уже вдвигающаяся в пореволюционность.

Преодолеть стихию разрушения и ускорить оформление стихии созидания — основная задача по - революционной российской мысли: религиозной, философской, политической.

Поэтому мы относимся положительно к зарождающейся в революционном процессе творческой стихии; мы горячо приветствуем выдвижение новых, жизненных и активных слоев, их вселенский размах, их волю к устроению более совершенного социального уклада. Мы приемлем всю остро поставленную Революцией проблематику, отвергая однако те **решения** проблем, которые вытекают из уже отжившей, ставшей тем самым в известном смысле **реакционной,** коммунистической догматики.

Буржуазно - демократический этап Революции был преодолен в Октябре; ныне изживается, в потоках крови, второй этап: коммунистическо - матерьялистический; мы приложим все силы к тому, чтобы он не задержался на исторической сцене.

Мы будем стремиться к ускорению наступления третьего этапа: реализационного. В нем должен быть заложен фундамент конструктивной пореволюционности.

IV.

В разгаре революции, в России и в эмиграции, вне всякой "физической" между собой связи, — стали зарождаться, различными словами выражаемые, — почти одни и те же мысли.

В 18-м году Блок переживает свои "Двенадцать"; Ремизов пишет "Взвихренную Русь"; в 19-м особенно гулко звучит катастрофизм эпохи в творчестве Андрея Белого; в 20-м Бердяев работает над "Новым Средневековьем". Намечаются вехи, закладываются первые камни.

В 20-х же годах, уже в эмиграции, зарождаются первые группы, ставящие проблему по - революционной России: устрялловцы, евразийцы, национал - максималисты, нео - народники, белокрестовцы.

Сколько их появилось в России, каких наименований — мы, конечно, не скоро узнаем. Пока нам известны только некоторые тайные кружки, среди них — народники - мессианисты.

К чему же сводились утверждения большинства представителей этих новых группировок?

Элементарно можно их свести примерно к следующим, наиболее характерным:

1. Примат духовного начала над матерьяльным, идей над интересами, общего над частным,
2. Долг устроения жизни на основах христианской правды,
3. Всечеловечность миссии России — духовной, культурной, социальной (раскрываемой многими, как мессианское призвание),
4. Наконец, постановка проблемы по - революционности, как проблемы **синтеза** (до - революционная Россия — тезис, революционная — антитезис).

V.

В истории российской мысли, начиная со времен старца Филофея ("Москва есть Третий Рим, а четвертому не бывать") — существовало два основных русла: течения, черпавшие свое творчество в духовной сокровищнице своего народа — и течения, по существу лишь переводившие на русский язык западно - европейские теории и построения.

Из всего до сих пор сказанного ясно, что мы, не отвергая в учениях иностранных мыслителей то, что в них ценно с обще-

человеческой точки зрения — свою преемственность ведем от первой, в подлинном смысле народной, семьи течений.

Однако и в этой семье отдельные искры истины оказались разбросанными по нескольким группам и школам — от славянофилов и народников — до анархистов типа Бакунина включительно; нельзя ныне признать ни одну из этих школ **единственной** носительницей Российской Идеи в тогдашнем ее преломлении. Прагматичность, раздробленность, индивидуалистичность эпохи не могли не сказаться и на идеологических формулировках ее современников.

Ныне наступающая новая эра — эра синтеза — настоятельно требует воссоединения прежде рассыпанных искр в **одно** идейное пламя.

Большая, ответственная работа предстоит нашим передовым мыслителям. Мы с радостью предоставляем им наши страницы.

Рядом с ними мы охотно отводим место и идейным исканиям пореволюционно - мыслящей молодежи. Эта молодежь — сотрудники и зачинатели "Утверждений", — нередко задавленная тяжелыми матерьяльными условиями, сама отдает себе отполный отчет в несовершенстве своих средств и возможностей. Она пытается преодолеть "бытие" — "сознанием"; но, понимая, что одного сознания всетаки мало — упорно работает над собой, над повышением своей культурной и политической квалификации.

Мы полагаем, что тесное сотрудничество на страницах одного органа больших идеологов и "становящихся" молодых — сможет дать только благотворные результаты, облегчить **общее дело.**

Нам необходима концентрация **всех** сил, всего пореволюционного фронта для выполнения первостепенной важности задачи, лежащей на журнале: оформления единой пореволюционной идеологии, формулировки Российской исторической Идеи в ее проэкции на современность.

VI.

Но слово без дела — мертво. Мы не предполагаем ограничиться словами.

Мы верим, что, в дальнейшем, осознанное единство идеологии — приведет к практическому сотрудничеству и организационному объединению не только различных группировок пореволюционного фронта — но и к вхождению в объединение отдельных лиц, ощущающих себя в по-революционном секторе.

Мы не стремимся ограничить понятие по - революционности фактом примыкания к одной из пореволюционных организаций, — т. к. элементы новых настроений нельзя отрицать и среди лиц, пока еще состоящих в рядах до - революционных (по стилю) эмигрантских партий.

По мере того, как отдельные люди, преодолевая свою групповую принадлежность, утверждают задачи пореволюционности не как тактическое **приспособление** старых до - революционных программ к требованиям текущего момента, не как способ **маскировки** того или иного вида чаемой реставрации — а как выход в новую эпоху, "к новому небу и новой земле" — такие люди тем самым уже включают сами себя в единый по-революционный фронт.

VII.

Наша политическая позиция вполне определенна: она непримиримо революционна по отношению к коммунистическому правительству современной России. Наша позиция столь же непримиримо враждебна всякой реставрации — во всех ее видах и степенях.

Для нас равно неприемлемы тезисы капитализма и антитезисы коммунизма. Мы ищем новые формы, новые пути.

Тактически мы утверждаем идею широких объединений для революционного свержения сталинской диктатуры. Но нас не удовлетворяют эмигрантские попытки создания объединений "**против**"; мы считаем прочными и жизненными только объединения "**за**".

Лишь на основе положительных **утверждений** люди новой эпохи смогут преодолеть частное ради общего, "мое" — ради "нашего".

Во имя России завтрашнего дня.

1 февраля 1931 года. Париж.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ

Пробуждение в русской зарубежной молодежи творческой мысли о будущей России заслуживаетъ глубокого сочувствия. Творческая мысль возможна лишь при п о р е в о л ю ц и о н н о м настроении и направлении сознания. Направления дореволюционные и революционные творческой мысли уже не имеют, идеологии их взорваны и не могут уже вдохновлять.

Эмиграция первоначально была дореволюционна и в преобладающей своей части реставрационна по своим идеям и настроениям. Но ошибочно было бы думать, что существует только правая дореволюционность. Несомненно существует и левая дореволюционность, которая до революции хотела революции и готовила ее, но была извергнута революцией в известный момент ее развития. Так, например, правые социалисты всех толков, радикалы и либералы могут быть признаны дореволюционными, старорежимными направлениями. Эти направления и сейчас противопоставляют февральскую революцию, как настоящую, чистую и благородную, — революции октябрьской, — извращенной, грязной и неблагородной. Но это противопоставление и доказывает их дореволюционность, ибо настоящая, вполне созревшая и осуществившая себя революция есть несомненно революция октябрьская.

Дореволюционные направления, и правые и левые, создались в атмосфере совершенно иной, чем та, которая образовалась после революции. Те отрицательные аффекты, которые вызвали у нас дореволюционную революционность, исчезли и заменились совершенно иными аффектами. Наша старая революционность обосновывалась миросозерцанием, которое не только

претерпела кризис, но и разложилось. Старый интеллигентский радикализм и старый интеллигентский социализм потеряли пафос и не имеют уже никаких глубоких идеологических обоснований. Социализм перед лицом коммунизма защищает либеральные начала и даже капитализм. Но напрасно дореволюционные консервативные направления думают, что обанкротились только левые дореволюционные течения, — сами они обанкротились нисколько не менее. Правые направления должны во всяком случае разделить с левыми ответственность за ужасы революции, они повинны в них гораздо более. И они хотели бы к ужасам революции прибавить ужасы контр-революции.

Мы живем в эпоху крушения и банкротства всех старых политических идеологий — консервативных, монархических, националистических, буржуазно - капиталистических, либеральных, демократических, социалистических. И банкротство это связано прежде всего с крушением духовных основ дореволюционных миросозерцаний. Материализм нашел свой позорный конец в современном коммунистическом материализме. Разложился старый позитивизм, он изгоняется из самой науки и старая рационалистическая вера кончается. Но кризис переживает и та форма христианского миросозерцания, которая слишком была приспособлена к господствовавшим в дореволюционной жизни слоям общества и не ставила даже задачи осуществления христианской правды в социальной жизни.

Христианство проходит сейчас через очистительный огонь, оно углубляется и одухотворяется. И лишь после этого сможет оно дать обоснование новому социальному миросозерцанию, которое не имеет еще имени. Оно одинаково будет отличаться и от капитализма и от коммунизма, от индивидуализма и от деспотической власти общества над человеческой личностью.

Но как отнестись к революции с точки зрения пореволюционного сознания? Эмиграция первой формации, связанная еще с гражданской войной, не хотела признать факта совершившейся революции и это признание считала одиозным. Сознание пореволюционное должно совсем иначе отнестись к революции. Оно должно принять на себя огромную ответственность. С двух противоположных концов, из России и из эмиграции, должна быть произведена переоценка революции и два разорванных

мира должны соединиться в подвиге преодоления классовых и корыстных инстинктов.

Можно видеть зло, ужас, уродство революции и все-таки признать ее смысл в судьбах русского народа. Революция есть, конечно, прежде всего расплата за прошлое, конец старой жизни, а не начало новой. Стихия революции сама по себе не есть творческая стихия, в ней слишком сильны аффекты злобы, ненависти и мести, слишком действуют инстинкты разрушительные. В революции догнивает то, что начало гнить в жизни дореволюционной, в старом режиме. Душевная структура деятелей революции создается старой, дореволюционной жизнью и деятели революции не могут освободиться от отрицательной власти прошлого, все творческие их начинания отравлены злобой к отходящему прошлому. Но никогда злоба и месть не могут быть творческими, созидательными. Революции нельзя желать, как нельзя желать несчастия и болезни. Желать можно только творческого реформирования и возрождения общества, лишь положительного осуществления правды. Революция и значит, что творческих сил не нашлось, что воля к созиданию, к обновлению жизни оказалась бессильна. Но когда революция произошла, когда она была решена на небесах, — нужно просветленно пережить ее, не быть слепым и глухим к совершающемуся, понять смысл происходящего, нужно быть со своим народом, разделить его судьбу. Отрицать революцию, не признавать революции есть словосочетание, лишенное смысла. Нельзя отрицать и не признавать тех изменений в строении земли, которые произошли в результате геологических катастроф и обвалов. Строить можно начать лишь на вновь образовавшейся почве.

Удается ли вообще революция, удалась ли наша несчастная революция? Если под удачей понимать осуществление идеалов справедливости, свободы, народного блага, которые вдохновляли революционеров до революции, — то такая революция не удается; не удалась и наша революция. Но она удалась в другом смысле, она удалась потому, что она подняла вверх подпочвенные пласты народной жизни, что она совершила перераспределение социальных слоев, осуществила смену социальных классов. Революция призвала к активности рабоче - крестьянские массы, которые раньше к этой активности не были

допущены. К сожалению, она эти массы развратила демагогией и лестью. Но всякое политическое направление, которое считается с реальностями, должно прежде всего исходить из этого фактического результата революции. Революция сама по себе не есть еще творчество, не есть созидание новой жизни, но через нее поднимаются новые силы, которые будут творить жизнь. На известной стадии изживания революции новые силы ею выдвинутые перейдут к созиданию, к творчеству; это и есть положительный результат революции. Менее всего можно сказать, что оффициальное советское, коммунистическое строительство и созидание есть уже такой положительный процесс. Это строительство и созидание вдохновлены миросозерцанием, которое насыщено аффектами злобы, ненависти и мести — и они не могут быть творческими. Строить и творить новую Россию, новую русскую жизнь будут лишь те, которые освободятся от этих отрицательных и сатанических аффектов, которые переживут духовный кризис и усвоят себе новое миросозерцание. Этот процесс незримо в России происходит. Пореволюционность должна опереться не на силы дореволюционные и не на силы все еще революционные, а на силы, выдвинутые революцией, но переживающие духовный кризис и способные к творческому созиданию. Этот кризис и это искание новых путей принимают разные формы внутри России и в эмиграции. Если там это означает преодоление революционно - коммунистической настроенности, — то здесь это означает преодоление настроенности контр- революционной и реставрационной, тоже злобной и мстительной.

В жизни современных обществ сейчас существует мировая социализирующая тенденция, происходит в многообразных формах переход от индивидуалистической эпохи к коллективистической. Эта тенденция шире социализма. Путь индивидуализма, атомизма, либерализма — повидимому пройден до конца, плоды его пожаты в капитализме и в современной буржуазной цивилизации. Но никакого цельного и единого духа в мире нет сейчас. Усилия удержать либерально - индивидуалистический и буржуазно - капиталистический строй жизни или вернуться к нему — сейчас реакционны и обнаруживают нечувствительность к движению истории. Совершенно несомненно, что мир стоит сей-

час перед задачей создания новой социальной организации и что в ближайшем будущем в центре будут интересы труда и трудящихся. Современные общества живут уже в совершенно иных условиях, чем те, в которых возник социализм XIX века, и старый социализм не в силах разрешить задачи нашего времени. Самая форма капитализма изменилась, положение рабочих стало иным, головокружительное развитие техники породило явления, о которых Маркс не мог даже подозревать. Современные общества находятся сейчас в жестоком кризисе и в них нет ни устойчивого и прочного строя жизни, ни сколько нибудь ясных и отчетливых идеалов будущего. Фашизм есть лишь симптом процесса и искание новых методов коллективного действия. Россия же совершает небывалый в истории эксперимент создания нового коллективистического строя, в котором разверзаются пучины сатанинские. Но опыт коммунизма показывает, что русский народ обладает большим дерзновением в создании нового строя жизни, чем народы Запада, которые более умерены, более связаны своим прошлым, более охраняют свое благополучие. В русской революции раскованы злые страсти. Но в ней также разбужена творческая стихия народа.

Вот, что необходимо сознать, вот что должна почувствовать и понять молодежь, которая будет призвана к строительству будущего. Достоинство человека не допускает, чтобы он отдал себя воле космического ветра, который уносит его в неведомое и темное будущее. Человек принадлежит не только времени, но и вечности и есть в нем ценности, которые он не должен уступить никакому, самому казалось бы непреодолимому, движению истории. Таковы прежде всего ценность образа и подобия Бо-Божьего в человеке, свободы его духа и его совести, безусловное значение человеческой личности. Мировая социализирующая и организующая тенденция заключает в себе много здорового и верного, совершенно необходимого, но она несет с собой и опасности, которые нужно сознать. Опасности эти — истребление массами качественного, аристократического начала культуры, подавление человеческой личности, угашение свободы духа. Было бы роковой ошибкой думать, что свобода человеческого духа и безусловное значение человеческой личности принадлежат индивидуалистической эпохе и потому должны быть сметены новой

коллективистической, универсалистической эпохой. Индивидуалистическая эпоха, въ которую развернулось буржуазно -капиталистическое общество, преходяща и принадлежит времени. Ценность же духовной свободы и безусловное значение человеческой личности принадлежит вечности. Старый формальный либерализм совсем не был благоприятен для подлинной духовной свободы и привел к угашению духа. Формальная демократия сплошь и рядом ведет к нивеллированию личности и к нестерпимой тирании общественного мнения. Ценность личности и ценность свободы, свободы совести, мысли, творчества — есть прежде всего ценность духовная, а не политическая, и определяется она не столько политическим и социальным строем, сколько духовным состоянием общества. Свободу духа человеческая личность не может получить из рук общества, она должна черпать ее из иного, внутреннего, от общества независимого источника. Проблема эта, взятая в глубине, есть проблема границ власти всякого общества над человеческой личностью и над ее духовной жизнью. Общество может быть организовано корпоративно и кооперативно, в жизни хозяйственной может быть социализация и власть может быть сильной — но сами границы общества, государства и социального коллектива могут быть твердо установлены. Это предполагает подчинение политической и хозяйственной жизни нравственным и духовным началам. Действительно страшен всякий механический, материалистический коллектив, — от него нет спасения и на него некому аппелировать. Языческий, античный греко - римский мир допускал безграничную власть государства - города, общества, над человеческой личностью, над ее духовной жизнью. Христианство принесло с собой новое сознание и в принципе не допускает абсолютной власти государства и общества над личностью и над духом, оно признает принадлежность человека к двум порядкам бытия и этим отстаивает его свободу. Человек не целиком, лишь частично принадлежит обществу и государству. Это и есть то, что делает христианство полярно - противоположным коммунистической идеологии, для которой социальный коллектив, коммунистическое общество есть божество, подчиняющее себе личность до самой последней ее глубины. Это есть вопрос прежде все духовный, вопрос рели-

гиозного миросозерцания. Духовная борьба против коммунизма есть защита не частной собственности и капитализма, не демократии или монархии, а прежде всего духовного принципа личности и духовного принципа свободы. Итальянские фашисты и немецкие национал - социалисты этого не понимают, потому что они язычники, они в массе своей чужды христианству. Защита духа, защита самого образа человека, подвергающегося опасности, должна быть совершенно освобождена от обязательной связи с какой - нибудь политической формой, например, с либеральной демократией. Вопрос стоит безмерно глубже. Славянофилы были горячими защитниками человеческого духа, хотя они были монархистами. Тоже можно сказать про Достоевского.

В политике все ныне стоит под знаком кризиса, все стало проблематическим. Но в жизни духа есть истины абсолютные и неизменные. Это приводит нас к вопросу о связи новых поколений молодежи с прошлым, с традициями русской мысли. Пореволюционность не должна означать абсолютного разрыва с прошлым, она должна связать себя с лучшим, что было в прошлом. Также и сознание великой миссии русского народа в новую историческую эпоху, без которого нельзя творить будущего, не должно превращаться в ненавистническое отрицание Запада и всей западной культуры, не должно принимать форму уродливого национализма, замкнутого и самодовольного. Это противоречило - бы лучшей русской традиции всечеловечности и уподобило бы нас удушливым националистам Запада. И на Западе мы многому должны учиться, но не для того, чтобы утерять свое лицо, а для того, чтобы приобщиться к более полной и многообразной жизни.

В заключение скажу еще, что непримиримая вражда к русскому большевизму должна быть прежде всего враждой духовной, а не политической и социальной. Зло большевизма прежде всего в том, что он отрицает Бога и отрицает человека, а не в том, что он так неудачно и несчастливо пытается осуществить социальную правду. Мы тоже должны осуществлять социальную правду, но осуществлять ее, помня о лице Бога и о лице человека.

Николай Бердяев.

ЧЕМ МОЖЕТ БЫТЬ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО

I

Было бы нелепо и противоестественно думать, что существуют какие либо общественно - исторические теории или даже политические программы, которые смогли выдержать искус революции и предстать в пореволюционное время в своем старом неискаженном виде. Человеческой мысли свойственно если не абсолютизировать, то во всяком случае очень преувеличивать значение окружающего, — и все старые общественные построения с неизбежностью отражали это свойство, — тем самым оказываясь устарелыми в наши дни.

Но с другой стороны пересмотр старых ценностей не может доходить до их окончательного отрицания, потому что они все в той или иной степени коренились в подлинной исторической судьбе народа, и тем самым отражали эту подлинность. Может быть на этом основании современные переоценки упираются в теории более ранние, менее окрашенные дореволюционным налетом.

В русской мысли существует основная исконная линия, которую можно широко назвать народнической. Она имела на протяжении своей истории чрезвычайное количество разнообразных проявлений. Из нее выросло славянофильство, в ней находил свои истоки Герцен. А в более поздние времена ею было окрашено и революционное направление с.-р., и основы реакционной политики Александра III. Русское народничество не предопределяет политических выводов. Оно есть основная установка, из которой возможны разнообразные политические выводы. При наступающей теперь переоценке многих конкретных положений народничества, очень важно найти его основное

определение, — тот базис, который связан со специфической судьбой русского народа, и который поэтому остается неизменным, несмотря на все сдвиги в историческом процессе.

Существует классическое, римское определение государства через народ, территорию и власть. Эти признаки в равной степени являются в нем вторичными, долженствующими только определить первичный. И для римского сознания это совершенно естественно, потому что при изменчивости власти, территории и контингента римских граждан понятие государства остается незыблемым.

Но попробуем по этому принципу определить, например, Израиль. Власть на протяжении его истории все время изменяется, территория не только то сокращается, то увеличивается, но иногда становится совсем иной, иногда совершенно исчезает. Наконец, центральное понятие Рима, — государство, — оказывается так же относительным и непрочным. Уничтожение его отнюдь не означает уничтожения всего связанного с ним комплекса, потому что остается последняя величина, — народ. Для израильского исторического сознания, таким образом, было бы гораздо правильнее определять именно это центральное понятие, — народ, — через понятия государства, территории и власти.

Этот пример разителен. Исходя из него можно понять основной принцип народничества. Возьмем его первоначальную стадию. — славянофильство. Уже для нее характерно выдвижение на первый план подлинного субъекта исторического процесса, каковым является русский народ. Именно в этом смысле можно говорить об негосударственности славянофилов. И какое нелепое сочетание с точки зрения римско - европейской, — антигосударственники и монархисты. Но с точки зрения народнической нелепости в этом нет, потому что монархизм их есть вторичный и относительный признак, — в такой мере они и государственны. Первичное же свойство исторического процесса определяется для них его носителем — народом, который может принимать ту или иную власть, распространяться на той или иной территории и выливаться в те или иные формы государственности.

Все эти основные признаки народничества были гораздо менее заметны в последующей стадии его развития. Оно зачастую начинает определять себя и через власть и через отношение к государству.

Чем это объяснить? Можно смело утверждать, что предреволюционный период русской истории был по преимуществу антинароднический. Оффициальная Россия была пропитана пафосом государственного строительства, для которого народ был только матерьялом. Столыпинская фраза о "великой России" есть именно проявление этой чрезмерной государственности. Тут субъектом исторического процесса принимается великое российское государство, империя, покрывающая собой одну шестую част суши, населенное русским народом, управляемое данной исторической властью, и более того, — покровительствующее православной Церкви, которая является одним из аттрибутов государства. Концепция дореволюционной оффициальной России в этом смысле абсолютно ничем не отличается от классической римской концепции. На этом пути можно было ждать или окончательного перерождения русского национального самосознания, ухода его от первоначальных народнических тенденций, или... революции.

Но любопытно, что победившее в революции течение по существу так же базировалось на неких римских основах. Марксизм, уходя от концепции римского государства и ставя во главу угла понятие класса, по существу оставался в основном римском русле, так как совершенно не считался с духовно - личным началом народа в историческом процессе и выдвигал механически - принудительное начало экономического развития. Если раньше центром исторической жизни считалось мертвое, механическое чудовище государства, то тут этим центром стал считаться мертвый, механический процесс железной экономической необходимости. Принципиально ничего не изменилось, потому что в обоих построениях живой и волящеий дух народной личности был только аттрибутом, по существу ничего не меняющим, в железной поступи истории. Тут будет уместно вспомнить Достоевского, именно так воспринимавшего западные социальные теории своего времени. Он видел в них только дальнейшее развитие теории римского муравейника, пережившего перед

этим все соблазны католичества и по существу не изменившегося ни в чем существенно.

В этом отношении можно сказать, что дореволюционный период русской истории был исключительно неблагоприятен для народнического направления. И не то, что у нас не было народников, — они были, — но им приходилось жить и думать в атмосфере торжества марксизма, когда homo economicus был неизменным героем дня. Все свои выводы и построения они с неизбежностью должны были полемически оттачивать на оселке экономического материализма, они определяли себя только полемически и этим самым зачастую оказывались в общем круге экономических и механических восприятий истории. По отношению к экономизму они оказывались не оппозицией Его Величеству, а оппозицией Его Величества.

Именно на этом основании нужно стремиться к преодолению и дореволюционности, и революционности. Именно на этом основании приходится отвергать очень многое, что характеризовало русскую общественную мысль за последние 50 лет.

Итак, — зараженность тем, что я условно называю римским началом, в его этатическом аспекте привело к крушению старого строя, в его экономическом аспекте привело к внутреннему крушению революции. Выводы из этого, — назад к народничеству, но к народничеству, свободному от посторонних наслоений.

Что это значит? Утверждая в первую очередь абсолютную роль народа, как субъекта исторического процесса, надо сразу же выдвинуть на первый план восприятие его, как живой, свободной, волящей личности. Из этого вытекает отношение к истории не как цепи причин и следствий, а как к раскрытию смысла. Исторический интерес, воплощаемый словом "почему", заменяется историческим интересом, воплощенным в "зачем". История становится целесообразной и законченной биографией народной личности. И личность эта, — народ, — воспринимается не только как сумма граждан данной эпохи, и уже конечно не как один или несколько по преимуществу трудящихся классов целостного народа, — а как единый организм, объединяющий в себе всю сумму граждан всех эпох и всех классов. В этом смыс-

ле народничество есть по преимуществу органическая теория истории, и в этом смысле оно максимально историософично.

Пореволюционное сознание, преодолевая оба бывших ранее срыва, с неизбежностью будет историософично.

Тут будет уместно утвердить одну истину, которая должна лечь в основу всяких попыток историософического осмысливания событий. Историософия, ищущая смысловую, целевую связь, и не придающая большого значения связи причинной и механической, почти невозможна вне приятия последнего смысла, — т. е. смысла религиозного. Когда мы обращаем все наше внимание на судьбу государства или на развитие экономического процесса, религиозный смысл неизбежно ускользает от нас, потому что вообще смысл и цель ускользают, и мы имеем дело только с причинно - следственными механическими рядами. Но с момента, когда центром нашего внимания становится народ, — живая личность, "душа" народа, — мы в осмысливании его судьбы легко подымаемся до последних границ этого осмысливания, до поисков последнего религиозного оправдания всех своеобразностей его судьбы. Можно сказать так: историософия ищет религиозное задание данного народа и с точки зрения религиозного задания определяет отдельные этапы его истории. Тут в известном смысле мы возвращаемся к миропониманию славянофилов, проэцировавших религиозное задание на все сферы исторической жизни.

Нам необходимо определить, зачем (а не почему) русский народ в начале своей истории принял христианство из рук Византии.

Зачем (а не почему) в начале своей самостоятельной религиозно - философской жизни он пленился идеей Третьего Рима.

Зачем ответил на реформу Петра рассечением своего народного тела и всей массой своей ушел от общей государственно - исторической судьбы, к которой его влек Петр.

Зачем в течение всего XIX века он стремился вернуться в какие то основные русла народнического восприятия истории.

Зачем он свалил великую империю, разрушил старую государственность, уничтожил власть, растратил территорию.

И, наконец, зачем так нелепо, так трагически просвечивает в русском, азиатском марксизме старые, знакомые черты веры в русский мессианизм.

Зачем, а не **почему,** какова **цель,** а не **причина** всего этого.

О, на все это ответ сейчас уже ясен. Основное, что мы узнали из всех последних событий, это то, что никакие причинные связи не могут до конца определить судьбы народа, что она имеет смысловое значение и упирается в последнее религиозное раскрытие того задания, той призванности, которая была дана ему в начале его исторического существования.

И тут мы подходим к вопросу об раскрытии русской мессианской идеи.

Логически неизбежно связано: 1. Народническое восприятие исторического процесса (народ, — субъектъ его). 2. Религиозная историософия (смысловая, а не причинная связь событий). 3) Раскрытие русской мессианской идеи.

Революция привела нас к приятию первого положения этого логического ряда. Пореволюционное сознание должно дойти до его логического завершения и точно отчеканить понятие русского мессианского призвания.

Е. Скобцова.

О РУССКОМ МЕССИАНИЗМЕ *)

"Знаете ли вы, кто теперь во всей земле единственный народ "богоносец", грядущий обновить и спасти мир именем Нового Бога и кому единому даны ключи жизни и нового слова?"
("Бесы". Достовский.)

Нормальный и обыденный ход исторического развития, в известные критические моменты его, перерезывают короткие экстраординарные катастрофические эпохи. Тогда срывается пелена привычной обыденности и человечеству становится видным то, что не видно в его органические периоды развития. У начала такого перерыва стоит современное человечество. В этом исключительная значительность и чрезвычайность переживаемого всемирно - исторического момента. Но тут же и грозное явление отсутствия у нас, людей этой эпохи, сознания и ощущения этой значительности и экстраординарности переживаемого. Когда нужно напряженнейшим образом бодрствовать, мы безнадежно спим, когда надо бить какую то апокалиптическую тревогу, мы не выходим из под власти серой, обывательской, "деловой" повседневности. В этом роковое противоречие критических переходных эпох: ничтожество людей и величие всемирно - исторического момента, трагический конфликт объективной и субъективной стороны исторического процесса. Когда наши будущие потомки, обретя нужную историческую дистанцию, будут глядеть из своего

---

*) Некоторые выборки из этой статьи, **написанной для "Утверждений"** — были помещены в одном эмигрантском журнале, в порядке информации.

временного далека на нашу эпоху, им будут представляться особенные контуры ее, как бы выделяющиеся на горизонте гигантские изломы гор, как бы могучая возвышенность среди равнин, уходящих в прошлое веков. Но они не будут видеть, какие ничтожные люди жили в это время. И не видя нас, а лишь эти гигантские размеры нашей переломной катастрофической эпохи, они наделят и нас размерами ее значительности; и мы тогда в их глазах предстанем какими то великанами, героями, землю потрясающими исполинами. Им будет непосредственно видна вся значительность, весь экстраординарный смысл наступившей критической эпохи. А мы не видим, ибо живем в лесу ее событий и из за деревьев не видим и не можем видеть леса ее. Мир, осуществив дело величайшей цивилизации, стоит на огромной высоте. Грандиозны возможности, открывающиеся отсюда, но столь же страшно своими последствиями, возможное с этой высоты падение. Отсюда слепительные лучи надежд и зловещие тени, которые посменно бороздят наше, роковым образом нависшее, историческое небо; отсюда непрерывно двоящийся, неуловимый — то зловещий, то загорающийся безумной мечтой, лик века. Отсюда лихорадочное метание взвинченного социально - политического сознания, отсюда все учащающееся дыхание напряженного организма исторического бытия. А под всем этим нарастающий тревогой, смятением и вместе с тем смутными, но глубокими предчувствиями неотвратимого Конца и назревшего грядущего Начала исполненая, больная, воспаленная душа утратившей всякое равновесие современности.

В этой обстановке, точно опрокинув все века прошлого, точно отвергнув, забыв себя — чтобы раздвинуться до всего, чтобы слиться и отожествиться со всеми, выступает в новом, е щ е з л о в е щ е м, облике на всемирно - исторические подмостки Россия — в своем самоотрицании двоящаяся, троящаяся, множащаяся, в пространства и века раздвигающаяся, все обнимающая Великая Мать.

Сгустив краски всего вышесказанного до возможных пределов, мы все это должны в особенности сказать именно о России — сегодняшней и еще болше, завтрашней и послезавтрашней, ибо она теперь тот новый всемирно - исторический центр,

куда сходятся и откуда изойдут все **Концы современного** и **Начала** идущего ему на смену **будущего мира.** Отсюда вся ставшая значительность русской проблемы, отсюда возрастающее внимание, которое она концентрирует на себе.

*
**

Делая здесь попытку хоть частичным и предварительным образом разобраться в нашей, ставшей столь актуальной, национальной судьбе, я, само собой разумеется, не стану к ней подходить хоть сколько нибудь всесторонне. Задача наша вообще, что касается проблем русского мессианизма, заключается в том, чтоб не столько решать, сколько настойчиво ставить относящиеся сюда вопросы. В частности здесь я, кроме того, намеренно сообщу вопросам о дальнейшей судьбе России ту искусственно - одностороннюю установку, которая в таком виде обща у нас со многими традиционными русскими направлениями, но от которой мы приходим к диаметрально противоположным выводам: мы — к настроенности бодрости и веры в судьбы высшие России, они — к настроенности упадочничества, безверия и пессимизма.

Общим для нас является убеждение в катастрофизме положения России, с той разницей, пожалуй, что мы в этом убеждении идем дальше; мы последовательнее, смелее. Смелее, надо думать, потому, что мы — дети этих исключительных, разверзающих все исторические ограниченности, событий, видим за мрачной завесой катастрофического положения то, что не дано видеть им, носителям взорванной и испепеленной жизни. Мы — мессианисты. Мы верим в такие возможности раскрывающиеся в судьбе России, перед которыми оторопеет филистерская мысль представителей различных наших традиционных направлений. И в то же время нет более крайних "пессимистов", чем мы. Мы утверждаем предельный глубокий трагизм положения. Мы видим бездну, над которой, историей пришпоренная, Россия взвилась и в то же время мы видим те всемирно - исторические высоты, к которым она предназначена.

Повторяю — в убеждении катастрофичности положения — мы в некотором смысле смелее и последовательнее. После-

довательнее в частности потому, что мы в оценке русских событий не провинциалы — в культурно - историческом смысле. Мы видим настоящие размеры этих событий. Россия переживает кризис, который лишь мелкие и ограниченные умы могут замыкать ее границами. Кризис России есть всемирно - исторический кризис, кризис всей современной цивилизации, но в ней он лишь нашел свое предельно актуальное выражение. В современном мире Россия — рок его. Она концентрированное выражение кризиса его и возможная сила его преодоления. Средоточие всех концов отживших культурных форм и начал форм идущих на смену, она в некий апокалиптический узел завязала в своей судьбе все исходы, пути и судьбы времени.

***

Подчеркиваю еще раз — я вынужден буду умолчать о всех тех положительных основаниях, на которых прежде всего покоится наше убеждение в особом высшем всемирно - историческом призвании России и удержать вопрос на той почве, которая обща у нас со многими современными политическими направлениями — на почве признания исключительного трагизма положения России. Что дает нам однако основания, несмотря на это признание, говорить о мессианизме России? Предварительным образом я бы мог ответить, что помимо прочего весь известный опыт исторического развития. Мы верим в особые высшие возможности России, не несмотря на ее катастрофическое положение, а в некотором смысле благодаря ему. И вот почему.

Нельзя указать ни одного сколько нибудь значительного исторического дела, события, возникновения, которое бы не обусловливал трагизм предшествующего положения. Я приведу ряд примеров: Христианство, открывшее собой эру современной Западно - Европейской культуры, возникло среди разложения и заката античного мира. И для чутья сколько нибудь исторически утонченного очевидна связь кризиса одного и зарождения другого. Гигантский порыв Возрождения, которым открывается новое время, исходит на закате средних веков из состояния упадка и вырождения этой эпохи. Само понятие "возрожде-

ние" указывает на свою соотносительность с предшествующим ему состоянием какого то вырождения. По существу "возрождением" является всякое значительное историческое свершение, потому что всегда условием его является состояние упадка, вырождения, падения предшествовавших форм жизни. Дальше — все великие революции — эти фейерверки масс, освещающие столетия — английская, французская, русская, — подымались из состояния предельного разложения, упадка старых форм жизни. Достаточно вспомнить положение Франции, Англии, России накануне их революций. Социализм, являющийся значительнейшим общественно - политическим движением нашего времени, зародился в период самого ужасного положения того класса, для которого он затем стал знаменем. Фашизм возник в том состоянии Италии, когда она была накануне развала и банкротства. Мы не могли бы указать ни одного значительного явления истории, которое бы не обусловлено было предшествовавшим ему исключительно тяжелым положением. Наполеон, Жанна д'Арк, Кромвель, Юлий Цезарь, Лютер, Петр Великий и др. — все это произведения критически напряженных моментов истории. Есть поговорка: "война родит героев", война, то-есть одна из величайших трагедий народов. И такова общая зависимость: — лишь исключительные трудности создают великое: великих людей, великие идеи, события и дела. — Лишь в великой трагедии рождается великое. Ни одна революция, ни одно значительное общественное преобразование, ни одно движение не исходило из благополучия, полноты, устроенности, удовлетворенности, а наоборотъ, всегда обусловливались тяжелым предшествующим положением. Вот еще пример: огромное движение Реформации и Протестантизма проистекало из разложения средневековой католической церкви. Напряженное время реформ и преобразований наших 60-х годов ближайшим образом обуславливалось тем положением страны, завершением и последствием которого явился крах в Крымской войне 1853-56 гг. Великая Петровская революция, выведшая страну на радикально новые пути государственного и культурно - исторического развития, была выведением из положения полного тупика — хозяйственного, политического, административного, духовно - культурного, в который Россия

сползала в ходе своего предыдущего развития. Петровская революция в более отдаленной исторической перспективе — лишь запоздалый ответ на Смутное Время, которое не было внутренне преодолено с воцарением первых Романовых. Также точно лишь в виду явно надвинувшегося призрака гибели России вспыхнул массовый стихийный героизм сподвижников Минина и Пожарского. А позже безпримерный в истории по массовости всенародный подвиг 1812 г. — вышел из надвинувшейся страшной угрозы Наполеоновского нашествия. И т. д. Можно было бы еще продолжать список такого рода примеров. И давно подмечена какая то связь между творческими явлениями и скорбной, порождающей их психологической средой. Тенью грусти овеяны все великие создания, как и их творцы. И в существе своем творчество трагично. Печать трагизма лежит на облике всех великих людей, народов и эпох. Именно таким из всей истории своей и особенно последней вырисовывается и облик России. Такова же по существу своему психологическая атмосфера всех критических катастрофических эпох.

Чем же объяснить эту противоречивую соотносительность трагизма положения, с одной стороны, и величия ему культурно - исторически соответствующего явления — с другой? Объясняется она очень просто. Объяснение коренится в диалектической логике необходимости. Чтоб нечто великое могло осуществиться, нужно столь же великое напряжение сил. А для этого нужна предельная необходимость, такое напряжение сил мобилизующая. Катастрофические моменты в жизни народов это в то же время те моменты, которые требуют и вызывают предельное напряжение их сил, мобилизацию всех их способностей. Силы народа в потенции в известном смысле неограничены, пока он не вступил еще в стадию старческого, упадочного состояния. Это в особенности верно в отношении великих одаренных народов, каковым в нашем случае совершенно несомненно является русский народ. И когда в истории таких народов встает великая необходимость их судьбы, вопрос их жизни и смерти, инстинкт самосохранения мобилизует все их силы, напрягает все способности и преодолевая катастрофизм своего положения, они тем самым творят великое. Надо сделать нечто огромное, чтоб преодолеть современный глубокий

культурно - исторический кризис России. Это огромное тем самым будет всемирно-исторически значительным. Трагизм положения актуализирует, мобилизует, приводит в движение все дремлющие в обычное время силы, на которые способен народ; тогда он в напряжении всех своих возможностей встает во весь свой рост, приводя в действие все, на что он способен, таким образом выявляя исторически все те потенции, которые в нем были заложены. Из довольства, удовлетворенности, благополучия проистекает лишь покой, самодовольство, приводящее к тупости, застою, отсутствию борьбы. Это верно как в отношении отдельных людей, так и в отношении народов. Состояние благополучия освобождает напряжение, делает ненужным активность, деятельность. В этом одна из причин почему господствующие классы общества обычно заканчивали вырождением и упадком, почему народы, достигнув относительно высокого уровня благосостояния, приостанавливались в своем развитии и часто шли назад. Как всякая способность вообще в бездействии не только остается не выявленной, но и атрофируется, так атрофируется, мельчает, глохнет и народ, находясь в состоянии исторической пассивности. И наоборот, силой обстоятельств народ вызванный к исторической активности, напряжению, в таком состоянии напряженной действенности растет, удесятеряясь в своих силах. Потому то мы одобряем "святую" неудовлетворенность и бичуем самодовольство, успокоенность, удовлетворенность. Возникновения, создания, нахождения возможны лишь там, где есть потребности, искания, стремления, где нуждой движется и вызывается усилие, где недостаток, неблагополучие повелевают приобретать и создавать. Следовательно, движет, творит историю необходимость, нужда, тягостность положения. И если малая необходимость вызывает незначительные проявления активности, то чем необходимость больше, тем значительней те свершения, которые вызываются к ее удовлетворению. Когда то Лассаль досадовал на отсутствие достаточного роста потребностей у рабочего класса. Он понимал, что без наличия растущих потребностей — этих движущих сил — невозможен и рост движения. История это сплошная цепь задач, за которыми следуют их разрешения, которые и составляют собой содержание культурно - истори-

ческого творчества; но разрешения не давались бы, если бы не ставились задачи. Подвигов Жанны д'Арк, Минина, Гарибальди и др. не было бы, если бы не было спроса на них со стороны истории. Как и в хозяйственной жизни, в историческом развитии, очевидно, также спрос рождает предложение. Самое понятие великого свершения — героизма, подвига, изобретательности, напряжения — предполагает наличие вызывающей их и делающей их нужными трагедии положения, опасности, необходимости. Без этих последних они не только невозможны, потому что нечему их вызывать, стимулировать, но и не нужны. Как инстинкт самосохранения вне грозящей опасности спит и остается скрытым, так в состоянии благополучия народы и классы впадают в дремоту, в пассивность. Лишь в моменты таких великих трагедий, как войны, революции, из недр народных масс начинает бить пламя героизма, подвига, изобретательности. В такие моменты жизнь выходит из своего обычного состояния обывательской упорядоченности, покоя, монотонной одноцветной повседневности, под покровом которой безмятежно спят силы, творчество, деятельные стихии. Скрытыми возможностями своими жизнь тогда прорывается во вне, выходит на поверхность, удесятеряясь, напрягаясь, заражая. Взволнованность, взвинченность, тревога охватывает все. Появляются действующие, до того никому, в том числе и самим себе неизвестные люди; множатся события, дела, цели, попытки. Все приходит в движение, в стремление, в страдность. Наступает точно момент испытания того, на что данный народ, лицо, общественные направления способны.

Необходимость есть основная, движущая сила, демиург истории. От нее идут все изобретения, создания и достижения человеческих усилий. Для того, чтоб жить, существовать были созданы эти горы ценностей культуры, богатств, которыми окружил себя человек. И люди трудятся, ищут, борятся, создают прежде всего потому, что это необходимо. Всякая цель предполагает какую то неудовлетворенность, неполноту, а без цели не может быть никакой деятельности, никакого достижения. И поскольку бытие есть "царство целей", постольку оно значит есть царство нужды, неудовлетворенности, необходимо-

сти. Таким образом лишь великая необходимость может вызвать великое, героическое усилие и лишь такое великое усилие создает соответственное значительное осуществление.

К чему же аппелирует, на что воздействует принудительная мобилизующая сила необходимости? — К величайшей и центральной силе внутри нас, внутри народов, культур и государств, к могущественнейшему и все силы объединяющему инстинкту, инстинкту самосохранения, жизни. В уголовно правовом распорядке лишение жизни есть мера высшего предельного наказания и следовательно, мера высшего предельного принуждения. В критические эпохи история в отношении народов являющихся средоточием таких эпох, обращается именно к такого рода мере принуждения, она грозит им смертью, т. е. аппелирует к величайшей побудительной силе их самомобилизации. Под такого рода мерой принуждения поставлена современная Россия. Она должна во всем возродиться, чтоб не умереть, стать великой, чтоб не стать ничем.

Но положение еще усложняется и раздвигается характером обстановки, в которой разыгрывается наша национальная трагедия.

Самой значительной и несомненной мыслью в нашем контексте будет сказать, что русская революция явилась концентрированным, предельно актуальным, катастрофическим выражением кризиса всей современной цивилизации. В этом коренится трагизм нашего положения, относительно действительности которого мы теперь сходимся все. Мы в этом, повторяю, лишь последовательнее и, так сказать, историчнее, потому что рассматриваем все это в глубокой всемирно - исторической связи. В предполагающихся здесь положениях наших взглядов на всемирно историческое развитие, излагать которые здесь не приходится, мы утверждаем критический, переходный катастрофический характер переживаемой мировой эпохи. Отсюда вся экстраординарность, экстремизм наших суждений и предлагаемых мер, отсюда теория "осадного положения", на которое морально - политически должен быть взведен мир и в первую очередь Россия. В этом отношении наше время представляет аналогию эпохи падения античного мира. Такое уподобление, как известно, не ново. В последнее время его еще

раз блестящим образом повторил Шпенглер в своей нашумевшей книге "Закат Европы". И действительно, совокупность многочисленных фактов и характеристик поразительным образом сближают эти две эпохи. И Шпенглер глубоко прав — кризис античного мира — ключ в руках историка для уяснения кризиса современности. Вне признания критического, переходного, катастрофичского характера наступившей эпохи нельзя понять во всей всемирно - исторической значительности последних основ кризиса современности, а тем более нельзя понять великих событий переживаемых Россией, которая, как сказано является средоточием, сгущением, узлом этой экстраординарной эпохи. Но каждая критическая переходная эпоха по самому понятию своему являет в себе две полярно противоположные стороны. Она — **Конец всех концов** — с одной стороны, и — **Начало всех начал** — с другой стороны. Место скрещения предельного падения и восхождения, узел, в котором завязываются все величайшие проблемы мира. В таком смысле коммунизм не **начало** каких то новых культурно - исторических форм, он **лишь конец** современного культурного мира. Он тот прорвавшийся гнойник, который вобрал в себя всю грязь, все элементы пошлости, разложения, смерти, которыми столь насыщен современный мир, и лишь как болезнь, отрицательным образом показал, в чем надо искать здоровье, исход из наступившего кризиса. Отсюда исходит роковое заблуждение некоторых групп евразийцев, состоящее в том, что они последнее слово старого мира приняли за первое слово нового мира, смерть приняли за рождение. "...Это точь - в точь, как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века ! Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхность... и сами будут проситься войти в свиней" ("Бесы", Достоевский). Именно. И в частности — надо чтобы бесы разрушения, смерти вышли из всего, что имеет облик величия, красоты, могущества, правды и вошли в "свиней", — тогда силой высшей исторического свершения они будут низ-

ринуты в "море". Это и происходит в Великой Русской Революции, где роль этих свиней выполняет коммунистическое воплощение революции. Ведь большевизм с его материализмом, интернационализмом, атеизмом, экономизмом и пр. — это явление нашего города, который по своему духовно - культурному существу является, пожалуй, в большей мере западническим, чем сама западно - европейская культура. Именно поэтому мы в утверждениях об особой культурно - исторической миссии России исходим из крестьянства — этой целинной, мощно - органической, подлинно самобытно - русской стихии, свободной от того западно - европейского духовного декаданса, лишь продолжением которого на новой территории является наш город — и "буржуазный" и "пролетарский".

Таким образом страшные великие события переживаемые Россией составляют лишь первую отрицательную сторону критической переходной катастрофической эпохи. Второй положительной стороной этой эпохи явится то, в чем большевизм найдет свое равновеликое преодоление. Величайший смысл уже пережитых нами событий в осуществившемся в них катастрофическом универсальном всебанкротстве. В них революция выполнила лишь свою обычную историческую функцию. Она разрушила, отвергла, смела все до основания старое и тем самым в основе своей разрушила и самое себя. Такова логика всех отрицательных революций во всеотрицании самоотрицающихся и во всеразрушении саморазрушающихся, ибо отрицание, разрушение и составляет их жизнь, смысл их содержания. То, что происходит в России теперь на наших глазах, это и есть состояние, когда от отрицания всего революция перешла к самоотрицанию, когда ее силы разрушения, разрушив все, обращаются на самое себя. Самоотрицание революции такого отрицательного типа есть ее естественный закон и вывод из ее последовательного развития. Так все вокруг себя зажигающее пламя потухает само, когда зажигать больше нечего. И революция сделала свое дело — она разрушала то, что исторически разрушению подлежало; творить — это не ее дело. Это дело тех, кто вызванный ею, придет ей на смену, и теперешнее Сталинское левое неистовство ни что иное, как искание дела для революции, в действительности уже выполнившей свое назначение, искание дела по-

тому что иначе революция потухнет, не имея чего зажигать, разрушит самое себя, не имея больше предмета разрушения. Из подобного состояния безпредметности разрушения стихии французской революции нашли исход во вне границ — в бесконечных Наполеоновских войнах, которые были лишь особой формой продолжения во вне страны революции, которой нечего было делать внутри страны. Имеются все основания ожидать, что к такому исходу обратится и русская революция, которой также больше нечего делать внутри России. Все, что было сгораемо, тленно — сгорело; все, что было исторически рушимо — разрушено... Русская революция — величайшая из революций, какие знал мир, поэтому и осуществленное ею отрицание — величайшее из отрицаний. Изобличено все. Изобличено, обанкротилось в страшном испытании все до основания старое и все без остатка, что казалось новым и было на самом деле лишь отрицанием старого. И встает во всей исторической грандиозности всепокоряющая неотвратимая необходимость и воля к новому — к подлинно Новой Земле и Новому Небу; необходимость и воля к Всеутверждению, обуславливающаяся и вызывающаяся свершившимся в большевизме всеотрицанием. Так из всеотрицания, в аспекте которого двигалась вся революционная русская жизнь, Россия вступает в положительеый аспект Всеутверждения в восходящей пореволюционной жизни. Мы несем идею этого Всеутверждения. Стихии жизни там, где они не истощены, где не опустошен еще культурно - исторически данный народ, стремясь к своему осуществлению, необходимо ищут форм для такого осуществления. И когда старые формы отвергнуты, разрушены, они для этого вынуждены творить новые. Культура прежде разрушается и лишь потом на ее месте создается новая, — не только в силу своеобразного закона непроницаемости, но прежде всего в силу того, что новая культура должна стать необходимостью, чтоб быть вызванной к жизни творческими усилиями. Не потому старое умирает, что рождается новое, а потому и рождается новое, что старое умирает. Вот почему все переходные эпохи от одного цикла к другому неизбежно сопровождаются некоторым временным провалом в варварство — внутреннее (большевизм) или внешнее.

Вставшая перед Россией необходимость новых форм жизни есть по смыслу своему необходимость всемирно - исторического порядка, поскольку наш кризис есть действительно актуализация, сгусток всемирно - исторического кризиса, поэтому и ее разрешение будет разрешением такой же всемирно - исторической значительности.

Спасая себя, Россия спасет мир, указывая ему новые пути, раскрывая пред ним новые возможности. В этом значительнейшая установка соотношений времени. На необъятных просторах великого народа поставлено всемирно - историческое: "быть или не быть". Повторяю, большевизм лишь отрицательная сторона этой постановки. Мы подымем ее положительную сторону. Поэтому не смутили, не растеряли нас свершившиеся гибели и потрясения. Дети этих всеразверзающих, всеосуждающих времен, накаленные и взвинченные их огнем и потрясениями, мы ощущаем всю историческую необычность и исключительность переживаемого великого момента. Глухонемое при этом отношение к смыслу свершающегося в России со стороны Запада говорит лишь о том, что нерв всемирной истории, ее душа находятся уже не в его участке. От сих пор он в России — в стране, которая по самой своей крайностной максималистской природе как бы призвана все заканчивать и все зачинать. В сегоднешней большевицкой России как бы конденсировались все элементы современного всемирно - исторического кризиса. В мире, где так много вины, зла, преступления, смерти, она явилась как бы жертвой искупления всех этих современных язв, противоречий, безысходностей, тупиков и поэтому именно здесь должна и может заняться заря новой жизни, здесь, где больше всего выстрадали и претерпли, где в наибольшем разуверились и потеряли, где познали все глубины зла, отрицания, борьбы; где взбаломучены, встревожены, пробуждены все высшие и нисшие силы, страсти, чувства и мысли великого народа. "Христос — величайший человек, говорит О. Вейнингер, так как он мерился силами с величайшим противником". Тоже можно сказать про русский народ, познавший таких размеров зло, такую силу и глубину отрицания, противника таких размеров, что его возрождающийся дух граничит уже с каким то всеведением, с нравственным всемогуществом. Свет тем ярче, чем

темнее тьма, лишь в сопоставлении с ничтожеством великое выступает во всем своем величии, — поэтому лишь народ познавший великое отрицание, способен к столь же великому Утверждению. — Лишь со дна бездны видна вся недосягаемость вечной Высоты. "Кто одержал полную победу над самым могучим сомнением, тот является самым верающим человеком, кто поднялся над безнадежнейшим отрицанием, тот есть человек самого положительного утверждения" (О. Вейнингер). Это еще в большей мере верно в отношении народа. И тут простая зависимость — величие победителя измеряется размерами побежденного. Тот наибольше может, кто наибольше преодолел.

Но необходимость, чтоб вызвать к жизни какое либо великое свершение **должна встретиться** с соответственными потенциальними творческими возможностями. Поэтому современный культурно - исторический кризис и необходимость новых форм жизни, как его преодоления предполагает **новый народ,** по своим творческим потенциям способный вывести на новые пути, иначе необходимость обращенная к народам материалистически опустошенным, духовно импотентным, останется не осуществленной. Отсюда — в современных условиях всемирно - историческая миссия России, единственная надежда возможного возрождения и преображения человечества. В ней великая необходимость встречается с великими возможностями, заданная цель с данными средствами.

Нам, конечно, хорошо известно, что в современной России, больше чем когда бы то ни было, широко разливается всюду смрадная стихия оголенной обывательщины, упадочничества, разложения. Но ведь, как выше указывалось, также было и накануне зарождения вместе с христианством современной западно - европейской цивилизации и всех вообще больших всемирно - исторических свершений. В этом то и состоит прежде всего катастрофизм положения России, от которого мы отправляемся в нашей мессианской установке. В этом и выражается кризис всех старых форм жизни, в своем распаде развязывающих всю грязь, всю низшую стихию человеческого существа. Но наряду с этим, в качестве воплощенного инстинкта самосохранения, в качестве положительного противодействия равного в данном случае отрица-

тельному действию, зреет и наростает волевое мощное ощущенной экстраординарной заданностью, заряженное осознанной , актуализирующейся в нем великой всемирно - исторической необходимостью, активное меньшинство, которое ведь и является всегда ведущей и движущей силой истории. И мы — один из кадров этого, актуальность великого момента воплощающего меньшинства, среди захлестывающей все, мертвящей упадочнической стихии, не ощутим себя беспомощными "человеками за бортом". В тяжелые моменты жизни народов вообще и в переходные критические катастрофические эпохи истории человечества в особенности, две полярно противоположные категории людей живут бок - о - бок, воплощая в себе две диаметрально противоположные стороны таких эпох — отрицательную сторону упадочничества, разложения, смерти предыдущей культурно - исторической формации и положительную сторону возрождения, подъема, потуг рождения новой высшей культурно - исторической формации. Такие две категории людей — явление крайне характерное и для современной России. Это, с одной стороны, упадочники, пошляки, выпотрошенные и опустошенные души — отвратительный гнилостный продукт обреченной отходящей жизни. Их назначение одно — разложиться, тлетворным смрадом своим дунуть в лицо вечно возрождающей силе жизни, и, явив своим обликом разложения внутреннее неблагополучие, глубокий недуг времени, пробудить, вызвать к всемобилизации все творческие, положительные силы народа. Такова категория людей, воплощающих отрицательную сторону критической эпохи. Им противостоит категория людей, воплощающих положительную сторону этой эпохи. Это то нарастающее, исполненное ощущения высшей актуальности, заданности всемирно - исторического момента меньшинство, о котором я говорил выше. При этом надо иметь в виду, что сказанное насчет разложения, происходящего там, в сегодняшней России, относится лишь к нашему, морально и материально безнадежно обанкротившемуся буржуазно-капиталистическому и пролетарско - коммунистическому городу — носителю и представителю западно - европейской цизилизации у нас, но не распространяется на необъятный резервуаръ могучих, органических, юных творческих стихий нашего

многомиллионного крестьянства. Поэтому я утверждаю, что к исполнению своего всемирно - исторического предназначения Россия может притти лишь через свое крестьянство — свою подлинно самобытную нетронутую силами разложения упадочной цивилизации города и притом подавляющую часть своего населения. Впервые лишь теперь раскрывается во всей своей значительности смысл Герценовской формулы: "мужик — человек будущего России". Отсюда и потому мы в известном смысле — "народники". Но мы также и м е с с и а н и с т ы. В всеутверждающем синтезе, призванном в непроизвольном и органическом самонаростании творчески вместить и претворить все положительное, ценное, что завещает человечеству заканчивающийся цикл всемирно - исторического развития, надлежит стремиться объединить в наростании этого Синтеза и все наши выдающиеся движения и направления—западничество и славянофильство, старое народничество и все, что есть живого, ценного в прочих наших движениях и направлениях.

Мы, представители пореволюционных течений, несем мир партиям, движениям и направлениям, Идею - Синтез — всевмещающую, всеутверждающую, всепримиряющую. В мире раздробленном, атомизированном, живущем мертвящими силами ненависти, взаимоотталкивания, распада, разложения, Россия призвана осуществить универсальный культурно - исторический Синтез, который, вобрав, творчески примирив и согласив все ценности, идеи и силы и устремления груды распадающейся, рассыпающейся цивилизации, в нем открыть новый всемирно - исторический цикл, дать первоосновы новым высшим формам жизни. Но осуществлением такого синтеза будет его наростание. И теперь все дело в том, чтоб найти формулу намечающую пути этого наростания, мобилизовать все силы способные его нести, вызвать и актуализировать соответственное движение и атмосферу. **П. Баранецкий.**

ОТ РЕДАКЦИИ: В виду исключительной важности для всех пореволюционных течений темы о мессианизме, Редколлегия сочла возможным, в порядке исключения, поместить настоящую статью, — несмотря на превышение ею принятых в журнале размеров.

Возможно меньше слов. Краткие, сжатые формулы. Экономия времени — своего и чужого. Вот, думается, — стиль пореволюционной России.

Начнем уже теперь перевоспитывать себя в этом направлении. Значительность нашей тематики делает обилие пышных фраз, красиво - округленных периодов — чем - то иногда почти граничащим с кощунством.

*
**

Вырабатывать сейчас подробную политическую программу — занятие и без того в эмиграции слишком распространенное, к тому же — едва ли целесообразное. Однако о б щ и е линии наших программных утверждений пора уже наметить. Думаю — они сведутся примерно к нижеследующим положениям:

1. Свобода религий.
2. Конфедеративное государство с сильною центральной властью, опирающеюся на систему свободно-избранных советов ("Союз Народов Государства Российского").
4. Элементарные гражданские свободы, независимый суд, равенство всех перед законом.
5. Укрепление экономического самодовления, диктуемого как международной обстановкой, так и географическими особенностями страны.
6. Сосуществование государственной и частной промышленности под общим контролем государства (планирование).
7. Признание частно - хозяйственного начала в области трудовой земельной собственности (функциональной); поощрение коллективизации, как формы д о б р о в о л ь н о й кооперации; развитие сети крупных госхозяйств для нужд экспорта и регулировки внутреннего хлебного рынка.

8. Дальнейшее осуществление индустриализации, координированной с общей экономической конъюнктурой.
9. Действительное проведение в жизнь обещенного, но фактически не данного коммунистами социального и рабочего законадательства.
10. Усиление обороноспособности страны.
11. В области внешней политики: всемерное стремление к мирной ликвидации конфликтов; доброжелательное отношение к освобождающимся колониальным народам и эксплоатируемым слоям населения капиталистических стран.

*
**

Для того, чтобы эти общие положения могли быть проведены в жизнь — надо прежде всего создать в России ту психологическую и матерьяльную обстановку, при которой актив российских народов мог бы свободно проникнуться сознанием необходимости указанных реформ.

Такая обстановка может создаться только в итоге упорной борьбы за о с в о б о ж д е н и е страны от коммунистическо-материалистической петли:

Освобождение д у х о в н о е — за право каждого верить и молиться по своему.

Освобождение к у л ь т у р н о е — за свободу творчества, за раскрепощение от ига "социального заказа".

Освобождение н а ц и о н а л ь н о е — за право всех населяющих Россию народов свободно строить свою жизнь и развивать свои национальные культуры.

Освобождение г р а ж д а н с к о е (пусть пока даже не политическое) — за свободу жить и работать для всех граждан, за равенство, за отмену смертной казни.

Освобождение э к о н о м и ч е с к о е — за облегчение самодеятельности деревни, за допуск некоторой (подконтрольной) частной инициативы в городе.

Конечно, нельзя мечтать о проведении этих требований сразу же, "целиком и полностью"; нужно начать с некоторого сужения задачи, с установления того очередного минимума, на

почве общего стремления к которому было бы возможно сотрудничество с каждым пореволюционно - мыслящим человеком. Эта задача - минимум:

Освобождение России от сталинской диктатуры.

⁂

Какой же путь приведет к Освобождению?

Не все пути, думается мне, для нас равно приемлемы. Ведь средства существенны почти столь же, сколь и цели. Мы не можем принять тех путей, которые позволили бы иностранцам, под видом борьбы с коммунизмом, — нарушить интересы России. Все виды пораженчества для нас заранее исключены. Мы не допускаем и те приемы, к которым призывают некоторые эмигрантские группировки: саботаж заводов, порча оборудования, мостов и пр. Для нас российское достояние — не есть достояние одних коммунистов.

Наша тактическая задача — центральным переворотом, с **короткою** кровью, — по возможности оградить Россию от ужасов новой общенародной революции. Но если обстановка не оставит нам иного выбора — мы не можем остановиться и перед этой тяжкой необходимостью.

⁂

В октябре 17-го года русские рабочие и солдаты шли на штурм Зимнего Дворца под ленинским плакатом:

"за землю и мир, за хлеб и свободу".

Мы не можем отрицать той матерьяльной правды, которую, в тех условиях, заключала в себе эта формула.

Но коммунисты подменили правду ложью. Они дали войну, рабство, голод.

Утверждаю: каждое слово этого издавна выстраданного народом лозунга — наше слово. Мы четко пишем его на своем знамени.

И когда пробьет наш час — мы с сознанием своей великой ответственности перед страной, с верою в конечное торжество правды, поведем рабочих и крестьян

ЗА ЗЕМЛЮ И МИР, ЗА ХЛЕБ И СВОБОДУ.

Юрий Ширинский Шихматов

ТЕНИ СВЕРШЕНИЙ

— "Весь горизонт в огне и ясен нестерпимо"... Да, иная ясность бывает нестерпимой... Знаете ли — перед обвалом бывают потрескивания? Быть худу... В мире все неблагополучнее. 25 миллионов безработных. 150 миллионов франков — слышите ли — в день (это в одной Европе) на подготовку к новой кошмарной бойне.

— Ну, работишка то найдется. Надо же как нибудь ликвидировать безработных то. Вот их и стравят между собою. И хлеба дадут солдатского и зрелищ апокалипсических. Только нынче перемена программы. Новая постановочка. Трюки уничтожения столиц, населений маленьких стран в несколько минут. Лучи Диавола, газы Люцифера, Сатаны и всех чертей, вместе связанных хвостами. Предельный кровавый хаос. Мы с вами и пикнут не успеем, как соединимся с міровой идеей. Вздохнули этого прозрачного, ничем не отличающегося от обычного воздуха, ниспосланного свыше и кончено.

— Вот, вот. Кажется и впрямь божьи родственнички не успокоются, пока земля не треснет. Мало ли что придет в голову. Какой нибудь гениальный взрыв, с расколом земли надвое. Пора бы положить предел злому творчеству. Недаром Р. Бэкон, который изобрел порох до Шварца, записал формулу в анаграмме, расшифрованной только через семь веков. Но не лепее ли было б эти миллиарды ахнуть на этих же безработных, вложить в их же культуру, заткнув им глотку?

— Ну, знаете, нищих всегда имеете, а такие феерии не всегда. Разрешите, все-таки, хозяевам быть у себя дома. Ведь девять десятых человечества в гостях у одной десятой. Просят — не засиживаться...

— И все это на глазах всего честного, возлежащего на эсте-

тической кушетке, интеллигентского народа. Мировая совесть. Хо - хо. Интересно было бы на эту бактерию взглянуть под микроскопом, какая у нее рожица. Я, лично, предлагаю следующее: 1) учредить символическое кладбище с двенадцатью миллионами — и даже тридцатью, если считать и последствия войны — крестов, 2) вотирующие войну депутаты имеют на нем собственноручно заготовить себе, при лунном свете, могилки с отосланием — сие в 3) — этих вояк на линию огня.

— Бросьте наивничать. Вы просто не продумали до конца. Человечество — икра. Ну и пусть себе с Богом, леший намазывает ее себе на бутерброд. В вечности нет жалости, ибо все восстановимо. Этого добра много. Бабы нарожают. Плазма, кисель жизни растет себе, в ус не дуя. И растет то потому, что пожирает жизнь. Сегодня ты, а завтра я. А знаете ли, что в каждом квадратном аршине земли 22 мертвеца? Земля — исполинское кладбище, набитое, как сардинками, трупами. Я уверен, что процессы жизни, а стало быть и смерти, будут в будущем регулироваться научно. Отбор и уничтожение, отбор и уничтожение. Это и будет путь на курьерских к сверхчеловеку.

— Пока что, ваш европейский разум работает, как будто, только на смерть. **"Низложит его собственный замысл его".** — Это Іов неплохо сказал. Факт тот, что сейчас ослепительно ясно: управлять миром вы не умеете. А ведь случится непоправимое — и, как всегда, решительно на всех нападут другие, первые, и всем придется обороняться — все завопят: вот видите, мы предвидели. Право, наши туторы смахивают на того адвоката, который, получив с обеих сторон и обезпечив себе стопроцентный выигрыш, сложил руки. Ведь они предрекают исподтишка и то и другое. Но разве провалившийся на экзамене жизни мудрец не протягивает сразу знака равенства к обывателю? Простите, но я чертовски устал от ига ваших неудач. Не сегодня - завтра вспыхнет все снова, как солома и понесет нас опять ветром куда нибудь на Сандвичевы острова. Не знаю, как вам, а мне это начинает надоедать.

— Что ж это вы "знамени врага отстаиваете честь"?

— Нимало. Но если общество организм, а не механизм, то ваше уединение клеточек есть бунт против целого, состоя-

ние преддраковое, но уже роковое, за которым идет распад, положение раковое. Не потому ли реакционеры и пятятся назад?

— Эх, пора бы вам уж вылезать из детских штанишек. Соловьев, в послесловии к "Трем разговорам", вспоминает, что когда он в молодости, как водится, грезил о новом социальном классе, выходящем на арену истории и пробовал заговаривать об этом со своим отцом, то последний, молча, делал только движение носом, коему соответствовало крайнее зловоние... Опять же и Блок, с которого вы начали, кончил по есенински: в предсмертном стихотворении писал — "прости, о Лео, что не сразу я понял нечисть и проказу" и потянулся снова к "благовонным садам" Христа. Уж вы меня извините, но кровавый то флаг он Ему всунул так же, как революция всунула красный флаг Екатерине в садике перед Александринкой. Сменили ей веху — приказали, стала акушеркой. Так и стояла с год. Обычно — все про венчик... А ведь шествие то замыкалось голодным псом. В нем то собака и зарыта. Это Блок тонко узрел. А когда пес и вовсе взбесился и с болтающимся и брызжущим пеной — это вместо роз то — кровавым языком выбежал вперед, Блок и написал про нечисть. Но потому то нас и съели "собачие", что мы еще не съели собаки в революции.

— Он просто, как поэт, и об этом он тоже прекрасно сказал, слушая музыку сфер, должен был оглохнуть ко всему, что не музыка. Но неужели вы не чувствуете в революции патетической, героической и пленяющей мелодии общего? Я так знаю, что не наши **блага** томят и бесят низы, а частое отсутствие у нас **прав** на них. А там, где ранит сердце идея справедливости, там и красота, вот эти пресловутые розы, хоть и изрядно потрепанные. Как хотите, это Его идея и сами вы виноваты, что ее у вас похитили, ибо кто же сгубилъ ее, как не вы, — мы, чтоб не было обидно. Когда то, во втором веке, Тертуллиан восклицал: "мы родились только вчера, а уже наполняем мир, мы предоставляем вам — язычникам — только ваши храмы". А сейчас. Не наоборот ли? Да и то, что наполняет храмы — если наполняет — само то не пусто ли, по чести. Какие своды в их душах? Язычники — это еще для нас лестно... "В личине Бога укрылся ужасный кольчатый червь ваш".

— Надо быть прямо слепым, чтоб не замечать грандиозного ускорения инерции материальной культуры, в которую вложена громадная, хоть и трезвая, интегрирующая мир духовность. Чудеса — явление духа. Это "стоит обедни".

— Поймите, что безмерно скучен ваш одурманивающий грохот, "железный скрежет", свистопляска эгоизмов в всеобщем темпе фокс - трота, ничего не рождающие, кроме взаимной злобы. У нас нет с вами общих интересов и, самое главное, мы не уважаем больше общества, в котором имеем несчастье жить. Оно нам мерзко эстетически, этически и даже этнически, ибо это лжебратия, не - братия, супостаты. В пустоту своего подвала оно и провалится . "Купеческая мораль есть ничто иное, как более умудренная мораль морского разбойника" — Ничше, конечно не вашей оперы — ну, а когда на пилатовский вопрос даются пиратовские ответы — где то совсем близко и суд Линча. Надо быть именно слепым, чтобы воображать, что "гости" не заметят, что 70% бюджета, их бюджета, уходят на военные нужды, а из оставшихся 30%, опять 70% идет на продукцию роскоши, так что на подлинно народные нужды остается всего около 10%. То есть, в сущности, что проработавший 50 лет — только 5 работал на себя. Что право на труд — только право на труп. Это, батенька, не социализм и, вообще не какой бы то ни было изм, а элементарная логика и здравый смысл, в котором вы хотите рабочим почему то отказать. Но уже поздно.

— А все-таки, слона то вы и не заметили. Все вы — потомственные почетные трагики — просто неудачники. Ничего то вы не умеете, потому и цена вам грош. Вот Шевалье — за фаллические песенки за две недели миллион взял. Старого мира вы не пересидите, анабиотики вы этакие, эмигрячи перелетные и неприкаянные, сколько бы ни каркали.

— Стало быть мальчишки, вычерчивающие на заборах, выводят тоже своего рода анаграмму буржуазности... Нет, мы скорее — трансмигранты. Через ожидание — на глухой здешней пересадочной станции, вроде Бологого — не возврата, но новой ступени. Черезъ пустоту сегодня к осиянности свершений завтрашнего.

— "Аркадий, не говори красиво". И пожалуйста, без общих мест, без впадений Волги. Новая жизнь — это звучит гордо, но вы постройте сначала хоть макет, модель, опытное поле и докажите, что вы чего то очень важного не проморгали. Но вы этого боитесь, так как знаете, что все такие опытные поля оскандаливались неукоснительно. Так было — так будет и впредь всякий раз, когда человек попрет против рожна, т. е. рождения органической равнодействующей сил - победительниц с их естественным отбором. Вводя социальные жмыхи в тесто, вы думаете повысить качество. Это невозможно.

— Тут у нас совпадение. Вот как раз то паразитирующую шелуху мы и стремимся отвеять. Спор о праве суживается до спора о факте. Он и разрешится силою, т. к. факт категория силовая. Готовьтесь.

— Нечего и готовиться. С нами логика вещей. Это непробиваемый панцырь. И в подсознании вы его страстно жаждете. Попросту говоря, вы в жизни пропуделяли, плохо играли, не те ходы делали. Все химеры, утопии, фантазии измышляли, а ничегошеньки, даже пуговицы не изобрели. И не потому вас затерло, что мир не понял вашей души, а потому, что вы не поняли души мира. Это, как прачки певали: но ты мне душу предлагаешь — на кой мне чорт душа твоя. Можно было славировать и все кризисы обойти на кривой, только нужно было уметь закраивать свою жизнь. Вот, в производственной иерархии отсеивающий кризис вас всех и сдувает на улицу, как некую невесомость. В сущности мир до сих пор держался на диктатуре изобретательства. Сами нации — только горящие разным блеском очаги изобретательских потенций. Образование в толще народной стерильных, в этом смысле, пустот и завивает вихри победоносного... проигрыша.

— Ну, тогда и революция изобретательский вам сюрпризик уготовила. Неужто вы не чувствуете, что идет кризис не производственный, а самой структуры, формулы общества. Мы подходим к последнему рубежу. Прежние войны — шутки. Считая с Наполеона, на них ушло всего сто сорок миллиардов. Последняя мясорубка стоила тысячу восемьсот двенадцать миллиардов золотых франков. Целый сказочный сон

жизненных возможностей. Воплощение лазоревых Эдемов, если б они действительно кого нибудь интересовали... И что же? Снова хотят нас выкупать в крови, заставить глотнуть этой адской сивухи. Воистину — питие из соленого источника. Но горе нам, если объединять начнет само горе. Интернациональное горе уже рождает незримого воина. Очевидные истины — серы. Поражает лишь дерзкое их опровержение — чудо. Вывернутое наизнанку общество и есть путь социального парадокса, приклеивающего скрытую за ним глубинную мысль к плоскому сознанию. Чудо революции и дано историей, чтоб будить спящих. Ужасы не прейдут, "пока время наций не свершится". И тени этих свершений уже нашли на нас. Скоро уж две тысячи лет стукнет этой правде, перечеркнувшей национальные вертикали классовыми горизонталями, взаимно их похерившей. Это и есть **крест**, плюс, т. е. отрицание минуса раздора, нуля уединения и утверждение, на разбитых цепях летаргии бесцельности, — **литургии** общего дела. "Пропала Рассеичка, загубили бедную, новую найдем Россию — всесветную".

Я. Меньшиков.

ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОЗИЦИИ

В наше исключительное время "переоценки всех ценностей", в эпоху, идущую под знаком всемирного кризиса —назревает несомненно новый этап всемирно-исторического процесса: **эпоха великих свершений.** И ходом истории народы России становятся во главе ее.

Перед пореволюционными поколениями стоит большая и ответственная задача: осознать начала, вызревающие из современной "переоценки", вростающие в будущее, — те начала, на которых и должна строиться дальнейшая жизнь человечества, после великого исторического перевала — нашей революции.

Огромное потрясение вызывает ответное величайшее напряжение народных сил для осуществления поставленных задач, для разрешения возникших противоречий. Силы этого "ответного напряжения", эти тянущиеся к жизни новые народные слои — и суть силы пореволюционности. Современные пореволюционные течения — лишь зачинатели движения, в котором выявится и реализуется творчество сил, долженствующих стать "динамическим стержнем" пореволюционного периода.

Наилучшие пытливые умы современности поглощены мировым кризисом: религиозным, культурным, экономическим... Бердяев ("Новое Средневековье"), Шпенглер ("Закат Европы"), В. Иванов и М. Гершензон ("Переписка из двух углов"), А. Блок... Взор, ища выхода, неизменно устремляется на восток, к единственной стране, дерзнувшей сорвать завесу с будущего, к ней, народы которой пробудились и вышли на аван - сцену мировой истории.

Все яснее становится теперь для всех, что в недрах народных масс России вырастает могучая сила, единственная, в современных условиях, способная в частности преодолеть поставленную данному историческому циклу задачу: разрешение со-

циальной проблемы; задачу, от правильного решения которой должен преобразиться мир. Максималистическому характеру эпохи соответсвует столь же максималистический стиль наших народов — их души. Это залог того, что именно России дано будет сыграть в разрешении мирового кризиса решающую роль. Это позволяет пореволюционным течениям российской мысли с верою в лучшее будущее России (и с нею всего человечества) приступать к выполнению своего долга перед страной.

Империалистическая война, подрывая старый мир, потопила в человеческой крови его духовные ценности. Послевоенный период господства спекулянта, хищника, рвача — явился не только апофеозом капитализма, но и предельной точкой его нравственного падения. Всеобщий экономический кризис есть прежде всего кризис капитализма, как системы. Но кризис капитализма есть в то же время и кризис материалистического социализма (коммунизма), этого детища капитализма, стремящегося пожрать породившего его. И капитализм и коммунизм суть продукты западной цивилизации, ее полюсы; их судьбы — судьбы сиамских близнецов: смерть одного повлечет за собою смерть другого. И в схватке этих двух систем, двух отрицательных материалистических устремлений — должен победить кто то **третий** — духовно вооруженный положительно.

Социалистическое движение в России у самых истоков своих дало трещину, завязался непримиримый спор народников с марксистами. Можно сказать, что основным стимулом народничества было стремление придать бесцветному, интернационалисткому социализму национальную окраску, связать его с национальной стихией, ищущей социальной правды и разумеющей ее духовно-религиозно.

Однако не успевшее оформиться народничество, столкнувшись с остро-отточенным марксизмом, удара не выдержало — в революции победил коммунизм. Но спор еще не закончен и борьба продолжается. Окончательный бой марксизму даст в России новое **народничество,** уже начинающее себя там утверждать.

Пореволюционное движение, продолжая в значительной степени традиции народничества, направляет все свои силы на борьбу с разлагающей демагогией марксизма. Мы восстаем против социалистической лжи за правду социальную. Социальная

стихия должна быть очищена от животных страстей классовой борьбы и раскрыться, как один из аспектов правды христианской. Разделению на эксплуатируемых и эксплуататоров должно быть противопоставлено всеобщее утверждение труда, как нравственного долга человека; пореволюционное государство должно быть государством труда. Постановка в таком разрезе социальной проблемы и сознание того, что почетное бремя ее разрешения возлагается на народы России — связано тесно с **национальной** проблемой в максимальном выявлении последней, в ее мессианской заданности.

В пореволюционном сознании, национальная проблема встает во весь рост и всесторонне раскрывается. Она отрывается прежде всего от реакции и односторннего, классового национализма, присущего бывшему правящему слою дореволюционной России. Национализма, выявлявшегося во всякого рода фетишизмах, вплоть до основного — "монархических устоев", вне которых, якобы, не может протекать национальная жизнь. Другой стороной такого понимания национализма является тупая нетерпимость, уездный шовинизм, выявляющийся в отрицании национального существа иных народов, вложившихся в государсильственной ассимиляции, опеки и угнетения одного народа ственное тело бывшей Российской Империи: в политике ихъ надругим. В пореволюционном сознании такому национализму и всем шовинизмам противопоставится **наднациональный** принцип содружества народов, населяющих современную Россию.

"Наднациональность" есть новое понимание здорового национального существования, — когда националистический эгоизм вытесняется национальным альтруизмом и служение национальному идеалу является вместе с тем служением всему человечеству. В противовес также интернационализму, требующему отречения от национального существа во имя классовых и других космополитических устремлений и саморастворения в **абстрактном** человечестве.

В отношении народов России принцип "наднационализма" есть основа их действительного содружества. Утверждение того, что правильно осознанные их национальные устремления не исключают друг друга, а наоборот, на почве взаимного признания, равноправности участия в строительстве и равной доли от-

ветственности за дальнейшие судьбы России, создают возможность органической интеграции этих устремлений, как высшее проявление национального существа каждого из населяющих нынешний СССР народов. Это и создает форму государственного устройства, соответсвующую следующей,**высшей** ступени человеческого развития. Лишь на этих путях возможно правильное разрешение национальной проблемы в России — и, в частности, свободное всестороннее самораскрытие творческих сил ее народов; именно по этим причинам мы украинцы, исповедующие идею мессианизма, и стремимся к нахождению пореволюционного синтеза в области межнациональных отношений.

Национальное существо, духовное устремление всей народной жизни, ее творческих потенций — выявляются неизменно в свободном, сознательном и ответственном направлении воли по пути к национальному идеалу. Лишь добровольность следования по этому пути и только свободное служение идеалу представляют собою истинную ценность в человеке; только в этом залог его спасения. И возвещенный миру идеал Христа покоится на **свободном** служении ему; вне этого нет Христианства.

Вот почему национальная проблема, раскрываемая пореволюционным сознанием во всей своей глубине и цельности, неизменно связывается с проблемой **свободы**, в истинном и положительном понимании этого слова, в противовес отрицательному, формально демократическому ее трактованию.

Французская революция, провозгласившая т. н. права человека и гражданина, но фактически установившая привилегии конкретного типа гражданина (буржуа), замкнула реализацию свободы в очерченный классовой круг. Эта "свобода" и привела прежде всего к эксплуатации трудящихся, разнуздав стихию эгоизма, стяжательства и паразитизма. И благодаря тому, что во главу угла ставился некий абстрактный индивид, общество строилось на взаимоотталкивании. Коммунизм, родившийся в отталкивании от этой "свободы", — "перегнул палку" — утверждая столь же абстрактный коллектив, в котором тонет и теряется человеческая личность. И максималистический социальный уклад немедленно вырождается без свободы в коммунистическую казарму.

В пореволюционный период нашей истории это противоречие должно быть снято: буржуазный тезис и коммунистический

антитезис должны быть преодолены в некоем новом синтезе; мы видим грядущего человека, как свободную личность в свободно-организованном трудовом коллективе.

В пореволюционном сознании должен найти свое место творческий **синтез** этих трех актуальных проблем современности: по иному должны быть установлены и увязаны основные проблемы бытия. В новых условиях отпадают все прежние "монополии": демократов — на идею свободы и права, монархистов — на утверждение национальных заданий, социалистов — на разрешение социальной проблемы. Всем видам пред-революционной раздробленности мы противопоставляем пореволюционную собранность и единство.

Мы "идеалисты", мы верим в лучшее будущее и стремимся к поставленным себе идеалам. Мы "реалисты", ибо остро ощущаем конкретности и необходимейшие требования жизни. Поэтому пореволюционное движение есть движение и д е а л - р е а л и з м а.

В результате революции, массы стали сознательны. Они вряд-ли нуждаются в опекунах "Божьей милостью" и наверное также не скажут никому — "приходите княжить и володеть нами". Стремления свои они знают и все, что будет делаться, — будет делаться с их ведома и санкции. Силы пореволюционности и суть силы народных масс, вызванных к жизни революцией — те самые силы, которым задано преодолеть ее разрушительные стихии и реализовать ее достижения. Это люди, свободные от психологических дефектов дореволюционного прошлого; люди нового типа, новой эпохи; люди пореволюционной России, ее зрелого возраста. Для них коммунизм будет последним словом старого мира и последней данью России подражательности и ученичеству.

Пореволюционные течения, исходя из разных отправных установок, неудержимо тянутся к одной системе утверждений, укорененной в исповедании вечной идеи **свободного Духа.**

Духа, который победит коммунизм.

Д. Даниленко

НАЗРЕВАНИЕ СОБЫТИЙ

(К вопросу о текущем моменте и общей тактической установке).

Все те, кто к проблеме большевизма подходят активно, с сознанием необходимости ее революционного разрешения, с удовлетворением могут отметить, что период затушевывания и смягчения этой проблемы прошел и всюду быстро вызревает всесторонняя четкость и определенность в ее постановке, необходимые для революционной борьбы; складывается не мирно оппортунистическая, а так сказать, фронтовая расстановка и противопоставленность сталкивающихся сил, делающая не только возможной подлинно - революционную борьбу, но, что особенно важно, делающая ее необходимой и неизбежной. На наших глазах всюду происходит резкий сдвиг к размежеванию, отношения заостряются. Отпадают все былые "прогнозы" о возможных эволюционных превращениях, — ясно и недвусмысленно встает одно: необходимость активно - революционной борьбы, притом не выигрывающей, а проигрывающей от промедлений. Что же произошло, чем вызван этот перелом? Причины, конечно, надо искать не "здесь", а "там", ибо и на этот раз, отношение мира к большевизму определяется не столько им самим, сколько этим последним. Ближайшие причины заложены в тех происшедших решающих для коммунистической диктатуры изменениях и уяснениях, которые вызвали ликвидацию НЭП'а и обусловили переход большевиков к некоторому своеобразному оборонительному наступлению по всей линии, в частности, по линии Коминтерна. Вместе с ликвидацией НЭП'а — этой попытки мирного, главным образом, хозяйственного разрешения проблем коммунизма, отходит в прошлое весь вообще период компромиссов, половинчатости, ставок на эволюционизм, период неясности и неопределенности, оттяжки и запрятывания во внутрь подлежащих разрешению вопросов.

Чтоб уяснить себе основания этого наступившего критического момента, спутывающего все обычные расчеты, надо понять смысл и огромное значение происшедшего кризиса и банкротства НЭП'а, обусловивших и его формальную отмену. Для этого придется вопрос вынести на почву самых общих и основных категорий хозяйственной жизни, так как здесь на лицо не какие либо преходящие текущие затруднения в советской жизни, а кризис целой социально - хозяйственной системы, под знаком которой шла вся политика коммунистической власти, начиная с 1921 года. При этом происшедшая, так сказать, "идеологическая деградация революции", т. е. нисхождение ее в план, главным образом, социально - хозяйственных интересов и задач, — лишь усугубляет такого рода социально-хозяйственную постановку вопроса. Кроме того, то обстоятельство, что **проблема существования большевизма сводится теперь, главным образом, к хозяйственным проблемам,** не только упрощает борьбу, делает ее элементарно и грубо понятной массам, но, что особенно важно, низводит коммунизм в ту плоскость, в которой он наиболее **уязвим, беспомощен и несостоятелен.**

Итак, в чем же смысл и причины кризиса НЭП'а — этого второго из двух вообще возможных путей для коммунистической диктатуры, наряду с приемами так. наз. военного коммунизма?

Схематизируя предмет, можно было бы указать лишь три вида возможных социально - хозяйственных отношений: это частно - хозяйственная система, конкретизирующая для нашей эпохи главным образом в форме капитализма, общественно - хозяйственная, представляемая теперь обычными принципами социализма, и третья — производная, компромиссная — частно - общественная, или государственно - частная, конкретный пример которой пытались применять большевики в своей системе НЭП'а. Кроме этих трех основных типов хозяйственных систем, других столь же общих, по крайней мере в условиях нашей эпохи, до сих пор не найдено — потому в выборе пока приходится в конце концов останавливаться лишь на одной из них, притом учитывая, что промежуточная компромиссная частно - общественная система, как таковая, являлась до сих пор лишь временной преходящей формой, неизбежно клонящейся к той или к

другой из двух остальных перво - основных форм. Этой неизбежности подчинена была и система НЭП'а, которая и могла по мысли самого творца ее, Ленина, перерости либо в социализм, либо в капитализм. Коммунисты, восстав в октябре 17-го года против частно - хозяйственных капиталистических основ жизни, устремились к революционному насаждению общественно - хозяйственного социалистического строя. Но, потерпев в этой попытке полную неудачу, приведшую к совершенному развалу и приостановке хозяйственной жизни страны, они перешли к компромиссной государственно - частной системе, начинающейся введением НЭПа в 1921 году. Ценой социально-хозяйственного отступления, они, так. обр., сохранили за собой политическое господство. Дальнейшим всеопределяющим заданием было "мирное", главным образом, хозяйственное, лишь частично государственно - налоговое, преодоление частно - хозяйственного сектора, — в пользу постепенного выростания и выращивания государственного "социалистического" сектора. Здесь обозначился центральный момент, основная ось, вокруг которой вращались все вопросы, все возможности и опасения НЭПа, так как в этих формах от "революционного штурма" капитализма перешли к мирно - хозяйственной легальной борьбе с ним и, следовательно, к легальным возможностям победы или поражения. Так, встал знаменитый Ленинский вопрос: "Кто кого?" — Социалистическое ли хозяйство — отступившее впрочем на наиболее выгодные и решающие позиции, — поглотит и переварит частично допущенный, в угоду главным образом крестьянству, мелко - предпринимательский капитализм, или этот последний разложит и внутренне обессилит социалистическое хозяйство? От сих пор проблема революции сводилась главнымъ образом к вопросам каждодневной социально - хозяйственной борьбы и ареной для этой борьбы, лишь общим образом регулируемой государством, являлась система НЭПа. И вот прошли решающие проверочные годы, и по всей линии обозначилась явная несостоятельность лже - социалистической системы. Отчетливо проявилась всюду непосредственная угроза полного внутреннего "буржуазного" перерождения всего строя советской экономики, вслед за каковым возможным становилось осуществление и соответственного внешнего политического

оформления. Таким образом, промежуточная переходная государственно - частная система оказалась переходной к капитализму, а не социализму. Столь многих успокоивший с обеих сторон НЭП обнаружил свою полную несостоятельность, ожидания не оправдались, коммунистическая диктатура оказалась осажденной в своем собственном доме, окруженной извнутри. Надо было немедленным революционным контрнаступлением отбить эту со всех сторон подступившую "мелко-буржуазную" стихию НЭПа, иначе, сама борьба дальше становилась невозможной. К этому моменту относится социалистический набат всех взбудоражившего тогда Троцкистского выступления. Троцкий воинственно воссел на своего привычного, историей теперь так удачно подведенного конька "перманентной революции", но.... был ссажен своим более удачливым противником. Сталин, разбив Троцкого организационно, целиком, даже более последовательно, воспринял его агрессивно - революционную платформу. Отсюда начинается переход к той новой бессистемной, беспринципной, бескурсной политике, которую можно было бы обозначить политикой **комбинированного, оборонительного наступления - отступления,** под знаком которой проходит весь новейший, посленэповский период коммунистического властвования. Чтоб понять основания этого нового развивающегося на наших глазах периода, надо уяснить себе, что означают эти две исторические даты 1921 - 22 - го года, и 1927 - 28 года, т. е. даты отмены военного коммунизма и отмены НЭПа. Они ведь обозначают ничто иное, как **банкротство двух систем,** обнаружившуюся несостоятельность двух путей, единственно возможных для коммунистической диктатуры — пути военного коммунизма, т. е. общественно - хозяйственной системы, и пути НЭПа, т. е. частно - государственной промежуточной системы. Так. обр., из трех возможных социально - хозяйственных систем остается частно - хозяйственная капиталистическая, но это как раз та, с которой коммунистическая диктатура борется и по пути которой она конечно, не может пойти. В результате, обанкротившаяся, отбитая на том и на другом пути, сталинская диктатура остается без дороги и без возможности ее. Если система военно - политической борьбы, так наз. ВОЕН. КОМ-ма была формой прямого наступления, а НЭП — формой отступления, при со-

хранении за собой некоторых решающих позиций, формой мирной хозяйственно - политической борьбы, то теперь, комвласть оказалась в состоянии окруженности, ибо ни наступать, ни отступать по существу больше некуда. Вот самое существо, самый сокровенный, всеопределяющий смысл той новой фазы коммунистической политики, которая последовала вслед за отменой НЭПа.

Из такого состояния исчерпанности путей, когда никакая действительная политика больше не возможна, когда единственно доступные для существующего строя пути НЭПа и Военного Коммунизма, на опыте исторически обнаружили всю свою несостоятельность, действительным исходом из положения может представляться лишь один путь, тот, который всегда рассматривался как всестороннее и конечное разрешение всех затруднений каждой отдельной местной революции: — это исход на путях **мировой** революции. К так назыв. теории "социализма в одной стран", в свое время придуманной из тактических соображений в качестве противовеса нароставшим тревожным настроениям и оппозиционно использованному тезису о "длительной стабилизации капитализма" в высших кругах серьезно и марксистки образованных коммунистов никто никогда серьезно не относился. Показательно, что заказ "обоснования" этой "теории" дан был лицам больше чем третьестепенного, далеко от идеологического руководства отстоящего, разряда членов патии (Варейкис, Минский и друг.) ; было очевидно, что предназначена она только для масс, для "обывательской" и партийно - рядовой черни. Не говоря уже о том, что положение, по которому коммунистическая революция может окончательно победить лишь, как революция мировая, было всегда самой бесспорной и основоположной традицией марксистских и большевицких установок, вся политика коммунистической партии, все миросозерцание и пафос исходили и вели к этому центральному и основоположному моменту. Поэтому, когда столь вообще невежественные в русских событиях иностранцы требуют от большевиков отказаться от коммунистической пропаганды, т. е. вообще от работы по подготовке мировой революции, — они по существу требуют от них отказаться от самих себя. Понятно, что все такого рода требования оказы-

ваются неизменно разговорами впустую, а коммунистический строй по прежнему продолжает оставаться тем, чем он является по существу своему. Еще в первые годы НЭПа выдвинутый Коминтерном тезис об "относительной и частичной стабилизации капитализма", с тех пор, с каждым годом, приобретал все более устойчивое и объемистое значение, в то время, как все более очевидной становилась мысль именно о невозможности "социализма в одной стран". Поэтому вместе с тем, одновременно, росло убеждение о неизбежности выхода на путь активного делания мировой революции, при котором из учитываемого условия она должна была перерости в сознательно поставляемую задачу. Центральное соображение здесь простое. Хотя с каждым годом **абсолютно** положение коммунистического строя может и крепнуть, тем не менее, так как укрепление капитализма идет еще быстрее и основательнее, **относительно** положение этого строя с каждым годом будет более слабым; в борьбе же, для исхода ее, значение всегда имеет только относительная, а не абсолютная сила каждой стороны. Последний же период банкротства и ликвидации НЭПа, — той системы, которая была специальной формой выжидания мировой революции, обнаружил, что и об абсолютном укреплении коммунистического строя говорить нельзя, а следовательно, нельзя и думать о выгодности от промедлений и оттяжек сроков. Время явно работает против коммунистической системы. На практике, исторически обнаружившаяся полная несостоятельность обоих путей — и НЭПа и Военного Коммунизма, говорит за то, что внутренними мерами затруднения революции не могут быть разрешены. Их разрешение может быть найдено лишь **во вне** страны, и чем раньше, тем легче и вероятнее. Отсюда все более решительный поворот на линию Коминтерна, по мере того, как все более очевидным становится безысходность на внутренних путях. После - НЭПовский период стоит явно под знаком курса на мировую революцию. Отсюда, в качестве стихийного рефлекса и отражения, на грозно проявляющееся давления на стенки революционного котла, происходящая на наших глазах быстрая интернационализация коммунистической проблемы, перерастание ее из национально-русской в мировую. — Процесс в высшей степени знаменательный и полный актуальнейшего значения для нас. Происходит

повсеместная и всесторонняя поляризация сил, и, вместе с тем, их мобилизация. Все противопоставленности расходятся, чтобы столкнуться. Все время, начиная с первых годов НЭПа, происходившее постепенное заполнение нейтрального межполюсного поля сменяется теперь быстрым опустением его. На переднем плане, и с той, и с другой стороны, всюду выходят крайние, непримиримые. Перед лицом этой надвигающейся грандиозной схватки, совершенно неизбежной и неотвратимой, **если не последует своевременный взрыв извнутри,** уже теперь встает колоссальной важности, трудности и ответственности вопрос — **с кем мы?..** и **против кого?..** Вопрос, на который, теперь же необходимо дать ясный и недвусмысленный ответ, обязывающий и определяющий все наше предварительное подготовительное поведение. При этом мы не можем забывать того, что в этой предстоящей схватке мирового империализма и коммунизма, — врагом России является **и тот, и другой,** ибо война с коммунизмом будет прежде всего империалистической войной, а следовательно, она будет войной не только против большевиков, но и **против России.** Есть ли у нас основания для предположений иных? Их нет, если не забывать тех движущих мотивов и побуждений, которыми определяется международная политика современных государств. Имеющийся у нас опыт на этот счет — достаточен. — Ни одним шагом, за весь страшный период нашей национальной трагедии, — хищный, корыстный мир не дал нам оснований думать иначе. Не приходится теперь сводить счеты, — но время придет, — и мы их сведем; мы напомним о крови миллионов русских людей, за которую расплатились тем, что по кускам рвали достояние несчастного народа, пользуясь временной беспомощностью его. Говорим, не время теперь предъявлять счет, но знать, но помнить, что у нас нет друзей, именно теперь, как никогда, — время. Конечно, имеются определенные соображения тактического порядка, по которым не следовало бы теперь так заостренно ставить такого рода вопросы, но во - первых. не следует преувеличивать значения дипломатических неясностей и умалчиваний, так как факты сами говорят там, где о них умалчивают люди; с другой стороны, заключающаяся здесь проблема выше и шире тактических соображений. Ведь речь здесь

идет не о поведении той или иной партии или группы, а о национальном пути русского народа, частью которого мы являемся, о должном и необходимом его историческом движении, в величайший и ответственнейший момент его исторического бытия.

Итак, повторяю, — недвусмысленно, ясно — необходимо теперь же поставить и ответить на этот, не по нашей воле, поставленный нам историей вопрос — с кем мы и против кого — в грядущей, неотвратимой схватке империализма и коммунизма, памятуя при этом, что врагом России является и тот, и другой? А не забывая этого, придется со всей решимостью ответить — **ни с тем и ни с другим;** больше того, и в этом главное — **и против того, и против другого.** Задачей нашей, вмѣсте с русским народом, будет представить в этой борьбе двух сил **третью силу,** — создать в ней **третий фронт,** который должен будет снять и исторически обессмыслить фронты обоих наших врагов. Мы не заинтересованы в усилении ни одного, ни другого врага, а тем более, за наш счет; победа как одной, так и другой стороны, будет одинаково не нашей победой, больше того — будет нашим поражением. Поэтому, мы ни с одним и ни с другим, и мы против обоих.

И все же начинать должно и придется с коммунистов, откуда, в конце концов, исходит и эта стоящая перед нами дилемма, тем более, что в случае победы империализма, мы, я полагаю, в конце концов справимся с последствиями интервенции, в случае же победы коммунизма, всеобщая гибель культуры станет неизбежной. Но главное все-же не в этом. Непосредственной узловой и все-объединяющей задачей в грядущем столкновении будет, по моему мнению, с одной стороны недопущение превращения войны в интервенцию, а с другой — способствование превращению войны в Национальную Революцию. Эти задачи соотносительны и взаимообусловлены, но все же, исходной должна явиться последняя: превращением войны в национальную революцию мы предотвратим, мне кажется, интервенцию, ибо тогда мы не только вырвем моральное оправдание и обоснование для нее, не только сделаем ее как таковую, политически ненужной и бессмысленной, но и противопоставим ей — и это главное — реальную силу самого русского народа, вос-

прянувшего в национальном возрождении. Этими тремя соображениями исчерпывается вся необходимая здесь аргументация. Неизбежная для нас и нас обязывающая борьба на два фронта сливается в единстве одной цели — Национальной Революции, которая, в порядке путей исторической диалектики, работающей на нас, на наше национальное величие, должна быть обращена во вторую положительную стадию нашей революции, в стадию **конструктивной революции,** выводящей Россию на новые, всемирно - исторической значительности, пути. В этом главный смысл будущей всенародной революции, что в ней одновременно должно быть направлено острие и против одного, и против другого нашего врага. Нашей задачей, следовательно, в предстоящих столкновениях, будет не задача солдат, а революционеров, и уже потом солдат, но под нашим национальным знаменем, если воевавшие против коммунистов захотят воевать против России. В организации Третьей Силы и в осуществлении Национальной Революции и должны объединиться усилия всех нас. В этом верховном для текущего момента лозунге, через все разделяющие нас расхождения, мы должны создать, **национальное единство.**

Таким образом, ни национал - пораженчество, ни национал - соглашательство, ни тем более преступно - пассивное национал - непротивленчество, а с Россией, через Россию, и во имя свободы и величия России. В противовес национал - пораженцам, национал — соглашателям и национал - непротивленцам, мы должны быть национал - революционерами, ибо в национальной революции скрещиваются все пути и средства Восстания к Свободе и Величию России.

Итак, мы накануне больших и решающих событий. Все кому не безразличны судьбы страны должны быть уже теперь готовы к ним, готовы в смысле общероссийской постановки задачи. Это значит прежде всего — объединиться, собрать распыленные силы в один кулак, ибо политическая борьба, это — война, война же предполагает мобилизацию; объединение, концентрация сил — это и есть политическая мобилизация. Но внешнему организационно - политическому объединению, которое, как и всякая мобилизация, скорее всего осуществится в последний момент, когда сила чрезвычайного положения ве-

щей вызовет стихийный взрыв и сбор разрозненных единиц — такому внешне организованному политическому объединению, должна предшествовать подготовка внутреннего психологического единства, должна предшествовать выработка некоторого **минимума,** на основе которого возможно не только наше зарубежное единство, но, что особенн важно, единство, контакт с новой, данной, реально существующей Россией. Таким объединяющим лозунгом - минимумом должен стать лозунг: **"пореволюционной России".** Мы — объединение пореволюционных течений, разрабатываем идеологию такой пореволюционной России; это значит, что мы идем **впереди** событий, осуществляем, следовательно, **максимум**, который вообще может требоваться от нас жизнью. Но кто не может или не хочет подняться на уровень максимальных требований истории, тот должен по крайней мере стоять на уровне ее минимальных требований, чтобы не быть вообще вне контекста, вне ритма совершающегося исторического процесса. Таким минимумом является последовательная и искренняя **пореволюционная ориентировка.** Без нее нам пути к внутри-российской политической активности закрыты или мы будем коверкать, уродовать, тормозит исторический процесс, который — мы верим — с свержением коммунизма, пойдет по круто восходящей кривой величия России.

П. Баранецкий.

О НАШЕМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗАВТРА

Развитие русских судеб, пойдет, как мне представляется, по трем этапам.

Первый, наиболее короткий, — это догнивание нынешнего строя. Сегоднешний день России в высшей степени напоминает эпоху террора французской революции, ее 1793 год. У власти — "центр" коммунистической партии, олицетворяемый Сталиным, этим Робеспьером наших дней и его ближайшими друзьями. Сталинский "центр" безжалостно расправляется с "левыми" (Троцкий, Мясников, Сапронов, Смирнов и др.) и с "правыми" (Бухарин, Рыков, Томский) и опирается на "болото".

Друзей и единомышленников у Сталина немного. Остальные идут по течению, приспособляются, чтобы не попасть в опалу, в тюрьму, под расстрел. Все они Сталина и его кучку ненавидят, но всякая возможность действия против него парализуется страхом. На страхе держится сталинский режим, как и режим Робеспьера. Но может настать момент, когда страх перед Сталиным будет пересилен страхом иного порядка. Люди рано или поздно придут к выводу, что как ни приспособляйся, а топор террора висит над шеей. И тогда неизбежно будет стремление не к дальнейшей поддержке этого топора, а к его устранению. Лучше раз рискнуть, чем жить под вечной угрозой.

Результат — заговор верхушки, дворцовый переворот.

Принесет ли он облегчение России? На первых порах вряд ли. Ибо на первых порах неизбежно, очевидно, сплочение и правых и левых — и возможна временная уступка левым. Уступка не только в области фразеологии, но и в реальной политике. Будет сделана попытка опереться целиком на рабочий класс

Будут приняты меры к поднятию материального положения рабочих в первую очередь. Но так как политика сверхиндустриализации будет продолжаться, так как рессурсов будет все меньше и меньше, а выколачивать их придется все из прежнего источника — из крестьянства, — то отношения с крестьянством еще более ухудшатся, нужда в городах и деревнях станет еще больше, — и это приведет к полной ликвидации левых, к новой вспышке направленного против них террора, к утверждению у власти правых групп коммунистической партии. Сдвиг направо будет сделан больший, чем в период расцвета нэпа. Но страна тем не менее удовлетворена не будет. Материальные трудности так быстро не будут преодолены, все классы населения, изверившегося и изголодавшегося, предъявят коммунистической власти свои векселя, — и потребуют полного отказа от коммунизма. "Правые" на это пойти не решатся, да и не сумеют. Возможно, что для "успокоения внутри", для того, чтобы вызвать новый подъем жертвенного энтузиазма у населения, с одной стороны, — для того, чтобы оправдать "объективными условиями" свое бессилие, с другой, они пойдут на военную авантюру. В результате ли войны — тогда быстрее, — в результате ли внутренней логики вещей, власть "правых" будет свергнута и на ее место будет поставлена национально-революционная диктатура. Это будет второй этап нашего развития.

Я допускаю и ту возможность, что и Сталину удастся продержаться до момента утверждения национально - революционного правительства, что сдвиг направо будет сделан им, а не кем либо другим. По всем данным Сталин такой поворот подготовляет. Он более реальный политик, чем кто либо иной в его окружении. Настроения страны он ощущает. Из "левизны" он сознательно сейчас выгораживает себя. "Левые загибы" в деревне — это не он, а Молотов, да разные местные "головотяпы". Травля и расправы с интеллигенцией — это опять де не он, а его окружение, скажем, Каганович. Показательна, наконец, отставка Предсовнаркома РСФСР Сырцова. Возможно, что принеся в жертву одного - двух своих "столпов", Сталин (если сваливаемым "столпам" не удастся свалить его самого), сможет перенести на них всю остроту народного гнева, самому же в конечном итоге на время оказаться умиротворителем и благодетелем

страны, повернув резко направо. Возможности такого поворота, повторяю, носятся в воздухе. И если он будет, то сталинскому режиму будет сохранено еще несколько лет жизни. Но это не застрахует его от окончательного падения. Повернуть резко на путь полного отказа от коммунизма — и на путь национально - революционной политики, — этого Сталин, при всей его гибкости, не сможет, думаю, сделать. Следовательно, и при возможности небольшой передышки, его строй обречен.

От установления национально - революционной диктатуры больших потрясений не произойдет. Наоборот — именно она устранит возможность серьезных потрясений. Сопротивление ее утверждению будет оказано самое незначительное. Не надо забывать, что как и страна, так и партия коммунистическая в большинстве ее активных слоев уже сейчас антикоммунистична. Ко времени переворота только небольшая кучка фанатиков идей коммунизма окажет попытку сопротивления. Но это будет жалкая попытка — тем более, что большая часть преданных идеям коммунизма людей будет истреблена в период владычества "правых". Коммунистическая партия распустится сама собой, как соль в воде. Кучки уйдут в подполье, будут уничтожаться населением, в части придут с покаянием.

У власти станут люди реальной политики, выходцы из прежней коммунистической партии и безпартийные, — все наиболее крепкое и сильное в стране. Политические партии вряд ли будут вначале играть какую бы то ни было роль. Значение будут иметь люди дела, стоящие вне партий, служащие общенациональным интересам.

По форме это будет диктатура. По существу это будет либеральный строй, задачей которого будет обеспечить населению измученной долгими годами террора страны экономическую и правовую свободу.

Свобода лица — вот что потребует население в первую очередь.Дайте мне возможность делать, что я хочу: торговать, обрабатывать землю, служить или не служить; дайте мне возможность целиком пользоваться плодами моего труда и быть уверенным, что их никто у меня не отымет. Дайте мне возможность жить, где я хочу и как я хочу, свободно передвигаться, как внутри страны, так и вне ее, писать, думать, читать, иметь

неприкосновенное жилище, отвечать за свои преступления только перед гласным судом. Вот чего потребует население в первую очередь. И если власть сможет это все ему обеспечить — страна поддержит ее во всех ее политических начинаниях и даст ей самые широкие полномочия.

Политические начинания этой власти будут иметь основными задачами: укрепление порядка внутри страны, создание прочного не - коммунистического законодательства, но вытекающего из идей национальной революции; охранение единства страны, ограждение неприкосновенности ее территории.

Да, это будет диктатура. Одного или нескольких лиц? — Вопрос праздный. Формально может быть и несколько лиц (консулы во Франции), фактически это всегда будет один. Значит Цезарь? По силе власти, да, Цезарь. Но по устремлениям своим — Вашингтон. Ибо исторической задачей этого человека будет, опираясь на лучшие силы страны, завершить революцию, закрепить все то, что принесла она с собой нового и полезного для народа, отбросив все наносное и противоречащее интересам нации. Как Наполеон, по признанию Маркса, был одним из героев революции и продолжателем ее дела, так и этот диктатор не угасившей еще своего революционного духа России должен будет служить принципам национальной революции. Но Наполеон, говорят, использовал власть, вложенную в его руки потребностями народа, главным образом, в личных своих интересах. Это не совсем так. Ибо то личное, что получил Наполеон от своего властвования, ничто в сравнении с тем, что он дал. Но нам, конечно, было бы желательнее, чтобы человек, который станет во главе революции на этапе ее завершения, оказался менее своекорыстным, чем Наполеон, чтобы он понимал свою роль, как Вашингтон. Вот почему, когда меня спрашивают: Цезарь или Вашингтон, я говорю — конечно, Вашингтон.

Да. Мне говорят: что за бонапартизм без Бонапарта, цезаризм без Цезаря. Что ж из того! Всегда является раньше потребность, а потом к ней подбираются люди, а не наоборот. Так было и с Наполеоном. И еще: многие ли знали Наполеона в 93 году? — Нет. Его роли, как будущего завершителя французской революции, в 93 году не мог предвидеть ни один, самый гениальный человек. Но идея бонапартизма уже была. В значитель-

ной мере ее предвосхищал и Робеспьер, как теперь предвосхищает Сталин.

Режим национально - революционной диктатуры будет длиться, как мне думается, не меньше двух десятилетий. В меньший срок не осуществить задач, поставленных перед этим режимом революцией, принимая во внимание масштаб эпохи и масс, приведенных в движение. Замедлять движение будет и сложность международной обстановки. Запад, по моему глубокому убеждению, будет переживать те же процессы, что переживала Россия, только менее болезненно и более медленно. Революционизирующей силой на Западе будут не только массы, но и концентрированный капитал и все увеличивающаяся мощь рабочей верхушки.

Как только минует историческая потребность в либеральной диктатуре — исчезнет и она, не говоря уже о том, что с каждым годом она сама будет эволюционировать в направлении все большего либерализма. Это будет неизбежно с ростом и консолидацией сил новой общественности. Важно заметить: не в силу военного поражения сошел со сцены Наполеон. Но военное поражение понес он и не смог от него оправиться потому, что его историческая роль была сыграна и он не мог уже ничего нового народу дать. Мир подошел к необходимости утверждения форм **новой** демократии, а это должны и могли сделать лишь другие люди.

Утверждение форм "новой демократии", более широкой, более полно отвечающей потребностям больших масс населения, чем нынешняя, — вот третий и окончательный этап в развитии нашем в предстоящем периоде.

Россия, думается мне, будет играть громадную роль в международных отношениях наступающего исторического цикла. И потому, что она, раньше других стран начав революционное преобразование, — раньше его закончит. И потому, что она будет давить своей экономической мощью. И потому, что она понесет в мир идею новой социальной правды.

С. Дмитриевский.

Стокгольм.

НА ТЕМУ О НАЦИО-НАЛЬНОМ ПЕРЕВОРОТЕ

Не нам отрицать, что небывалый технический прогресс нашего века властно требует новых форм устроения человеческого общежития, как юридических, — так и социальных. Выходят на сцену новые классы, которые, сознав свою силу и свою социальную значимость, добиваются соответственного места под солнцем. Когда это им не удается путем "легальным" — на очередь весьма часто становится вопрос о революционных методах расчистки новых путей к созданию справедливого социального уклада. Все это, в особенности по отношению к странам с развитой промышленностью, становится все более и более явлением международного характера.

И, несмотря на все вышеуказанное, на несомненную нивеллированность современных цивилизаций, каждая революция в большей или меньшей степени сохраняет свой определенно выраженный **национальный** облик. Особенно это наблюдение оказывается верно в отношении страны с такой своеобразной и самобытной культурой, каковой является Россия, — страны, склонной все процессы всегда окрашивать в свои особые тона.

***

Хотя Российская Революция и является по существу **единым социально - политическим процессом,** — ее, конечно нельзя не рассматривать в трех основных фазисах, трех этапах, если хотите — трех трансформациях. Этапы эти: буржуазно - демократический, коммунистическо - материалистический и, наконец, назревающий, неминуемый — **третий,** национально-максималистический.

Исходные их точки — три переворота: февральский, октябрьский и исторически - заданный последнему этапу — **национальный.** Мы утверждаем, что нынешняя Российская Революция являлась с первых своих дней **неосознанно - национальной.**

Во первых — по своему характеру.

Чисто - русский размах; элементы разиновщины и пугачевщины; искание вечной правды на земле; своеобразное "Бого - искательство" (идолы Маркса, "мощи" Ленина) и Бого - свергательство (современное претворение Ильи Муромца, на "маковках церковных", вымещавшего свою обиду на князя Владимира) и т. д. и т. д.

Во - вторых и главным образом: Революция **национальна** еще и по своим конечным заданиям.

Она должна раскрыть миру один из аспектов исторической миссии России — как защитницы угнетенных и эксплуатируемых.

Она уже подняла на поверхеность новые социальные пласты, жизнеспособные и близкие народным массам — единственно - могущие вынести на своих плечах все трудности предстоящего периода. Она выдвинула Россию на первый план мировой истории, открыв через нее перед человечеством ослепительные возможности (сейчас еще затянутые кровавой пеленой коммунизма) реализации социальной правды, духовной свободы и экономического благополучия. Все это есть — пусть невольное, пусть бессознательное, — но несомненное служение национальным интересам. Пусть основная сущность нашей Революции пока еще не проявлена. Пусть нелепая гусеница еще только превращается в кокон, а в коконе еще не все угадывают будущую бабочку. Однако новые идеи уже зародились; а идеи **действительно,** — хотя иногда и скрыто — двигающие революциями ведь реализуются только через много лет после внешнего, кажущегося завершения процессов. И то, что мы, люди пореволюционных установок, ясно видим уже сейчас — многие и многие почувствуют значительно позднее.

Не даром Жозеф де Мэстр говорил своим единомышленникам при приходе Бонапарта: "Революция только еще начи-

нается". Действительно, идеи 89 года ведь только теперь вполне проникли в народные толщи Франции.

Российская Революция тоже в известном смысле только начинается. Она далеко еще не осознала свою идею. Но она ищет ее, чувствуя, что "нельзя завершать революцию с теми самыми доктринами, во имя которых ее начали; то, что служило для разрушения, — не может служить для созидания" (Огюст Конт). Новыми идеями "насыщен воздух" — но уловить, ощутить их способны пока еще немногие — только обладатели "особочутких антенн". Мы рады тому, что наша "антенна" — не единственная, даже в эмиграции. Люди часто между собой ничем не связанные, друг друга не знающие, люди различных исходных положений — вдруг сходятся в конечных выводах, в формулировках своей целеустремленности. Мы не случайно можем наблюдать в течение последних 10 лет рождение различных вариантов по существу **единой** идеологии.

*
**

Мы — люди третьей фазы революции, люди третьего переворота; но этой ролью мы конечно не ограничимся; нам всегда была свойственна установка "дальнего прицела". Чтобы быть действительными и действенными участниками третьей фазы революционного процесса, мы должны перенести свои устремления **за его пределы**, в наступающий пореволюционный, **конструктивный** период нашей истории. В этом смысле мы, оставаясь идеологическим авангардом Российской Национальной Революции и готовя себя к действенному участию в **национальном перевороте** — преддверии ее третьего этапа — считаем себя течением уже **пореволюционным.**

*
**

Интрнационалистическая маска с лица революции национальным переворотом будет сорвана. Мы должны стать его застрельщиками.

Переворот этот будет не только переворотом "против", — это будет главным образом переворотом **"за":**

За выполнение исторической миссии России.
За устроение справедливого социального уклада.
За **союз** народов Государства Российского.
За раскрепощение страждущих и угнетенных.
За вольный, творческий труд.
За истинную свободу духа.

***

На другой день после национального переворота упадет спрос на "вождей и героев". Герой завтрашнего дня — безыменный строитель - труженик, — "неизвестный солдат" завершительного этапа национальной революции.

Необходимы будут максимальная собранность, трезвость, выдержка. Это много труднее героического наскока, эффектного порыва. К этому надо готовиться: много работать над собой.

Революционная **фраза** ныне уже заканчивает свою роль. Наступит, наконец, время пореволюционного **дела.**

Владимир Жуков.

ПОДПОЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Несмотря на свирепый террор и бдительное око ГПУ свободная творческая мысль в России пробивается наружу, как трава из под мостовой, и это, пожалуй, — одно из немногих свидетельств продолжающейся жизни русской культуры. Свободная и творческая мысль находит себе выражение в обширной подпольной рукописной литературе, издающейся в карликовых, "ундервудовских" тиражах (5-7 экземпляров), — однако перепечатываемой во множестве беззвестными добровольцами повсеместно, в разных городах России. В числе этой литературы имеются солидные труды, научные и философские, по нескольку сот страниц в томе, переплетенных домашним способом, — а также и журналы различных кружков, группировок и общественных объединений.

К числу наиболее устойчивых журналов, просуществовавших несколько лет и прекратившихся только во время последнего похода на интеллигенцию и всеобщего сталинского террора, можно отметить четыре, из коих один издавался в Ленинграде, а три — в Москве. Все они носят характер непериодических сборников, большею частью объединенных общим направлением и сохранивших все старые традиции русских журналов. В Ленинграде известен был в 1928 году журнал "Земля и Небо", издающийся, повидимому, религиозно - настроенной молодежью из литературных кругов. Объем его — около 60 страниц, на три четверти занятых стихами и литературой. Философская часть носит общий деистический, с оттенком пантеизма,

характер, лишь очень слабо соприкасаясь с Церковью, хотя в журнале немало откликов на события, развернувшиеся в связи с известным посланием митрополита Сергия (каковое встретило отрицательное к себе отношение). Сколько номеров этого журнала по сие время вышло в свет — неизвестно, но в 1929 году он еще существовал.

Затем в Москве, в течение рядя лет, начиная с 1925 года, по номеру в год (вышло 5 номеров), выходит тоже подпольный журнал "Васильки", — один из номеров которого попал даже в Париж. Журнал этот целиком посвящен искусству; издается довольно изящно, в художественной обложке, с виньетками и заставками в тексте, но довольно тощий по объему — всего 32 страницы; он очень выдержан по своему содержанию; общее направление — религиозно - внецерковное, гностического характера.

Там же в Москве несколько лет подряд и до последнего времени издается небольшими тетрадками хорошо поставленный с редакционной точки зрения журнал библиографии запрещенной (старой и новой) литературы, под названием "Засыпанный Город". В этом органе (вышло более 10 тетрадок) имеются рецензии, программы чтения, методические указания по самообразованию и списки книг, статей и рукописей в систематизированном виде. Журнал ведется небольшим кружком молодежи, людьми, отдающими ему, повидимому, все свое свободное время совершенно бескорыстно. Это единственный журнал, издающийся на множительном аппарате. Он вырос стихийно из библиографического отдела четвертого журнала, наиболе солидного по размерам — "Путь Странника".

"Путь Странника" — журнал, содержащий в себе от 250 до 300 страниц и выдержавший за два с половиной года 11 номеров. Последние четыре номера вышли в очень сокращенном размере (30-40 страниц), но за то в количестве 100 экземпляров, ибо напечатаны они уже на стеклографе. В сокращенном издании журнал изменил свое название, переименовавшись в "Круг Странников", изменив также несколько и свое направление, повидимому, в результате какого то столкновения мнений

внутри той организации, которая его издавала. Вначале он носил довольно ярко выраженный церковно - православный характер и, очевидно в конспиративных целях, издавался от имени одного лица. Впоследствии он принял характер внецерковный, с ярко выраженным анархическим и сектантским уклоном. Около одной трети всех №№ журнала занята стенографическими записями двух курсов лекций по истории русской культуры и по религиозной философии, читанными кем то в кружках молодежи регулярно, в течение долгого времени; часть первых 7 номеров была посвещена обширной переписке среди иерархов Церкви и церковной интеллигенции в связи с выступлением митрополита Сергия, без всяких комментариев, — и документам обеих борющихся сторон. Именно этот последний отдел завоевал журналу большую популярность и распространенность. Литературно - художественный отдел слаб, тенденциозен и мало интересен. Зато исключительно ценен отдел, посвещенный мифотворчеству. Впервые на страницах этого подпольного органа появились новые варианты Голубиной Книги, а также и насыщенная религиозны содержанием эпическая мистерия "Дивья Красота", изображающая обряды, связанные с древне - русской свадьбою.

Недавно удалось доставить из России ценные материалы, относящиеся к подпольному внецерковному религиозному творчеству, в том числе — один экземпляр 1-го номера журнала "Путь Странника". Полагая, что читателям "Утверждений" небезинтересно будет ознакомиться с новыми веяниями в этой, мало до сих пор освещенной, области исканий человеческого духа — мы здесь приводим, с сокращениями, передовую статью этого первого номера.

Михаил Артемьев.

ПУТЬ СТРАННИКА

(Передовая статья I-го номера).

К МОИМ НЕЧАЯННЫМ ЧИТАТЕЛЯМ*).

Я выпускаю этот журнал в сущности для себя и для близкого круга своих интимных друзей. Ундервудовский тираж освобождает меня от необходимости обращаться к публике и тем самым журналу обеспечивается совершенно свободное выявление его имени и лица. К изданию журнала меня побуждает не личный интерес к этому делу, а серьезное веление совести перед людьми, перед родиной и культурой, наконец, перед Богом, — собрать и сохранить до времени бесчисленные страницы неведомых творений русской общественной религиозной мысли переживаемой нами эпохи.

Неоднократно высказывался разными мыслителями взгляд, что новая история русской религиозной общественной мысли начинается с Достоевского, который является духовным отцом дальнейшего расцвета и возрождения религиозного сознания в передовом и просвещеннейшем русском обществе. Одновременно с ним жил Пушкин, с которого начинается блестящая эпоха новой русской художественной литературы, отличающейся своими религиозными исканиями иного царства и путей в запредельность. Оба эти родоначальника новой русской религиозной мысли и новой русской художественной литературы были современниками величайшего русского святого XIX - го века — Серафима Саровского, за которым утвердилось представление, как о последнем русском святом.

---

*) Как сказано в предыдущей статье, журнал издавался из конспиративных соображений, как бы одним лицом.

Если верна глубокая мысль, высказывавшаяся многими авторитетными именами, как то Гегелем, Куно-Фишером, Трубецким, Чичериным, Вл. Соловьевым и, наконец, Бердяевым, что история есть процесс постепенного раскрытия Логоса человеку, то внешняя история культуры представляется в соответствии с этим, как учет пролившегося света на землю от святых угодников Божиих. К такому учету небесного урожая зовет ныне Россия современного Пимена, ибо настанет скоро пора раздать собранный хлеб алчущим и взыскующим града небесного.

Таким образом, историю нового русского религиозного сознания мне бы хотелось связать с истинным его родоначальником — с Серафимом Саровским, которому я посвящаю смиренно этот журнал. От его зажженной свечи засветилась неугасимая лампада русской религиозной мысли в лице Достоевского и мистическим сиянием далеко осветила путь русской философии и публицистики через головы В. Соловьева и всей его школы религиозных мыслителей. И тогда же от той же свечи загорелась великая совесть русской интеллигенции и сплошным пожаром осветила всю русскую литературу.

Кто то сравнил Россию с огромной свечей, зажженной перед ликом Божьей Матери. Да будет дозволено и мне сравнить все произведения новой русской религиозной мысли со свечами перед ликом Серафима Саровского, свечами зажженными от неугасимой лампады Достоевского. И вот я вижу, как вся Россия засветилась этими свечами — так много повсюду появилось всевозможных душевных документов религиозного пробуждения и духовного оздоровления благодаря очистительному напитку страдания, благодаря тяжелым испытаниям, разочарованиям и покаянию. Я бы хотел быть послушником в этом великом храме и подготовить современному историку великую литургию грядущего спасения России.

Когда - нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд, усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет.

Так писал Пушкин около 100 лет тому назад. Многое теперь изменилось и больше всего изменился темп всей нашей жизни, так что вековая пыль на Пименовских хартиях ныне может оказаться пылью лет или даже месяцев. И вместо монаха безвестная советская барышня засветит лампаду своей души и безкорыстно, энтузиазмом преодолевая свою усталость, тайно перепишет страницы моего журнала, пока он вновь не попадет в руки нового энтузиаста, зажигая все новые и новые свечи.

Так творится современная литература. На моих глазах толстые рукописи в 300 и 400 страниц выдерживали по несколько ундервудовских тиражей, а более мелкие произведения неведомыми путями появляются почти одновременно в самых различных городах России.

"Путь Странника" — журнал исторический. Это — тайный архив документов, по большей части безвестных авторов, по всем вопросам, как частной, так и исторической жизни. Но мой журнал является историческим не только в качестве архива для будущего историка, но историческим и для современного общества, в особенности для молодого поколения. Ведь вся современная нашему поколению, поколению отцов, литература по русской общественной религиозной мысли, вышедшая из под печатного станка каких - нибуд 15 - 20 лет тому назад для современного молодого поколения является столь же древним, историческим, засыпанным городом, каким являются для него и Харо - Хото. Наш исторический долг перед русской молодежью — повести ее в эти долины былого и произвести для нее не только археологические раскопки библиографического характера, но дать ей также и образцы избранных страниц по основным и наиболее важным для молодежи проблемам.

*
**

"Путь Странника" — внепартийный журнал русской религиозной общественной мысли, объединяющий последнюю на почве общих положительных русских идей, утверждающих русскую культуру и ее миссию на земле. Его внепартийность характеризуется не простым декларативным заявлением, а прин-

ципиальной установкой: наметить и подготовить предпосылки для будущей единой и общей платформы — не только для различных течений русской религиозной общественной мысли, но по возможности и для внерелигиозного сознания.

Эта, на первый взгляд, утопическая задача, при ближайшем рассмотрении ее, все же дает основание для практического ее разрешения.

Тут прежде всего следует отметить, что "Путь Странника" не есть церковный журнал в узком и специфическом смысле этого слова. Он не есть журнал "церковников", ибо последние, как впрочем и все остальные религиозные группировки русского общества, не свободны также от крайней замкнутости в себе, не свободны от отчужденности от всего безрелигиозного мира и, наконец, не свободны от нетерпимости ко всем инаковерующим группировкам, между тем как журнал "Путь Странника", как орган внепартийный, всецело зиждется на идее терпимости. Не являясь журналом церковников, "Путь Странника" есть все же журнал церковный в широком смысле слова, посколько он всецело проникнут идеей и именем внутренней, мистической Церкви. И так как журнал издается не в пустом отвлеченном пространстве, а в среде русского общества, то и естественно, что идеи этой внутренней мистической Церкви преломляются в аспекте если не русской внешней исторической церкви, то в аспекте русской культуры, основным стержнем и корнем которой является бесспорно русская Православная Церковь, ибо все духовные ценности этой культуры проникнуты ее религиозным началом. Отсюда для безрелигиозного общества вытекает единый объединительный положительный тезис: утверждение русской культуры.

Следующий благоприятный для цели журнала момент вытекает из антитезиса, каковым является русская революция. Дело в том, что в огне революции сгорели все те материалистические идеалы, которые препятствовали развитию русской религиозной общественной мысли и обнаружившийся всеобщий кризис (всего интеллигентского сознания) поставил русскую интеллигенцию на бездорожье, откуда естественно возникнет стремление уже к исканиям новых путей, а новый путь

всегда ничинается с утверждения, ибо за отсутствием старых путей нечего отрицать.

Религиозное и общественное лицо этого журнала лучше всего обнаруживается в его названии. Что такое "странник" в его внутреннем философском значении? Странник — это человек не имеющий **внешних** целей, а идущий по дороге жизни в любом направлении, при этом предел его безцельных странствований и скитаний всецело определяется **внутренней** целью — поисками иного царства, града небесного. Пути странника — пути странные, непонятные земному, материалистическому человеку, всегда руководящемуся внешними целями. Но в некотором смысле странниками являются в большей или меньшей мере все русские люди. Эта мысль прекрасно иллюстрирована Н. Бердяевым в его книге "Судьба России", где он говорит: "Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России и так прекрасен; странник самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник свободен от "мира" и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции, и здесь мы знаем странников свободных духом, ни к чему не прикрепленных, вечных путников, ищущих неведомого града. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалуется о горе и страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утоления. (Бердяев — "Судьба Россíи", стр. 12-14). хийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы" (Бердяев — "Судьба России", стр. 12-14.).

Таким образом путь странника в широком смысле слова есть путь русского человека, путь русской интеллигенции. Уже в этой постановке вопроса выявляется принципиальная позиция

журнала, как журнала внепартийного, общего для всех русских людей и единого для внутреннего пути русского человека.

Как же практически соединить и объединить на этой общей платформе многочисленные религиозные и общественно политические группировки, враждующие между собой, нетерпимые, замкнутые в себе и крайне консервативные в отношении догматов своей веры или учения? Путь для этого имеется только один. Он вытекает из существа вышеописанного странничества и заключается в отказе от внешних целей и в утверждении одной внутренней цели. Внешние цели это — теории и учения, это путь человеческого ума и рассудка. Отказ от них означает признание их относительности. Внутренняя цель, это — любовь и свобода, это "путь сердца золотой". Утверждение в нем есть признание за ним абсолютного значения, и, как вывод отсюда — заповедь терпимости.

Терпимость следует понимать гораздо шире, чем обыкновенно думают о ней. Терпимость выражается вовсе не в характере отношения к противнику. Уважение к противному мнению, сдержанность и тактичность в приемах борьбы и отсутствие личной неприязни к врагу, все это — лишь слова, которые никогда не оправдываются на деле, ибо им не достает главнаго: сознания равноценности личности перед абсолютной Истиной, чувство всеобщего детства перед Отцом Небесным и тем самым всеобщего братства между собою. Пока в человеке живет сознание, что истина только в нем, до тех пор все слова о терпимости остаются лицемерными. Подлинная терпимость начинается только там, где все идеи и все мнения, то-есть все эти внешние цели, признаются одинакого равноценными, где признается одна абсолютная истина, по разному для разных представляющаяся и в разных аспектах открывающаяся.

Эта единая и абсолютная истина и есть внутренний путь странника. Это и есть путь сердца, ибо истина эта не в голове и не в понятиях мыслится, она не нуждается ни в какой доказательности, она "усматривается и видится, но не выводится и не доказывается.".

В этом заключается путь странника, а не в случайных приложениях случайных знаний. И таким образом я вижу смысл в пути, а не в цели. Все цели (за исключением одной, внутренней

цели, которая в пути) изменчивы, преходящи, призрачны, и, в конечном итоге, равноценны. Изменчивы потому, что ставятся временными и односторонними интересами, преходящими потому, что будучи достигнуты, исчезают. Призрачны, потому что не имеют в себе объективной ценности и сияют или тлеют в зависимости от отношения к ним. Равноценны потому, что нет ни одной среди них абсолютно правильной для всех и каждого. "Каждый мерит мир собственной душой". Другими словами, то, что велико и прекрасно для одного, ничтожно для другого.

Значит дело не в проблеме, а в отношении к ней, в средствах к ее разрешению, в пути. "Средства оправдывают цель" — вот что верно, вот в чем девиз этого журнала, а не противоположный иезуитский тезис. Безкорыстное и глубокое отношение, вот что возвышает всякую цель, углубляет и расширяет всякую проблему. В противном случае жизнь превращается в пустую игру, сокровенная динамика ее подменивается стенной декорацией.

И пусть не говорят, что здесь кроется путь к оправданию всякого вообще пути и в частности пути большевизма, проникнутого тоже безкорыстным и глубоким отношением к цели. Это не верно, ибо путь коммунизма как раз отличается крайне неглубоким отношением к своей цели. Глубокое отношение к цели заключается в полном соответствии целей со средствами к их достижению. Между тем, какая глубокая пропасть между оффициальными целями и средствами коммунизма — едва ли нужно доказывать.

Но как уберечься от терпимости к творчеству зла? Безконечная терпимость не должна переходить в индифферентизм по отношению к творящему зло. Всякий, кто допускает совершиться около него злу и не принимает мер против него, является соучастником этого зла. Все это верно, но ведь все религиозные и общественно - политические группировки в конечном итоге формулируют свои идеалы, как ту или иную борьбу со злом, при этом злом различно понимаемым каждою из этих группировок. Так вот пусть каждый понимает это зло по своему. Мы не должны бояться привлечь на свою сторону тех, кто вольно или невольно не разбираются в ценности жизни, считая зло за добро и добро за зло. Они тотчас обнаружат себя, ибо подлинное

зло одним только внешним признаком отличается от добра: зло всегда родит новое зло и через зло проявляется. Поэтому лишь та борьба есть борьба со злом, которая пользуется средствами достойными цели. Если нам говорят о борьбе со злом, то мы не спросим в чем это зло и против кого направлена эта борьба, а мы постараемся выяснить, какими средствами ведется борьба. Средства борьбы не прикроешь никакими высокими фразами, никакой идеологией. Они сразу обнаруживают себя, ибо в борьбе могут быть только два средства: сила и насилие. "Бороться со злом, конечно, нужно силой, так как бессилие ничего не может в мире сделать, но не насилием. Нужно найти такую силу, которая не была бы насилием и по мощи бы своей превосходила бы всякое насилие... Реальную силу нужно брать из первоисточника, из абсолютной действительности, которую следует открыть в себе. Тут не непротивление злу, а противление иное чем то, что принято в нашем мире, более действительное противление, не плодящее нового зла. Борьба силой должна быть рыцарской войною, жертвенным мировым служением. Насилию нужно противодействовать всеми силами, но силами добрыми, а не злыми, рыцарски противодействовать" (Н. Бердяев — "Новое религиозное сознание и общественность").

Равным образом нет основания опасаться, что терпимость обратится в безразличие или в безпринципность, ибо и то и другое характеризуется отсутствием внутренней идеи, т.-е. ничего общего не имеет с терпимостью.

Заповедь терпимости зовет не только к уподоблению средств и целей и к признанию, что если цель в Боге, то и средства должны быть от Бога, но эта заповедь предполагает еще преодоление того глубокого равнодушия ко всему, что враждебно нам, и ко всякому, кто не с нами, которое снедает нас и обрекает на замкнутость и одиночество.

Итак, идея странничества, идея пути, как самоцели, выявляет сразу целый ряд важных положительных и объединительных принципов, которые позволяют обосновать на них единую платформу не только для всех верующих русских людей, но может быть даже и для всех вообще внепартийных людей.

Эти объединительные принципы сводятся к следующему:

1) Странник идет по разным дорогам и иной раз и по без-

дорожью, но где бы он ни шел, он идет на почве именуемой русской культурой.

2) Странник всегда чувствует себя совершенно свободным и как бы ни было затаскано это слово "свобода", как бы пошло оно не звучало во многих теориях и идеологиях, странник этого не боится, т. к. фальш и неопределенность звучат только в умственных построениях, а в сердце свобода всегда ощущается, как самое простое и первоначальное чувство, не вызывающее никогда никаких сомнений.

3) Странник терпим, ибо, идя по пути сердца, все временные категории - идеи и теории кажутся ему той внешней средой, с которой внутренне не связана его судьба, но эту внешнюю среду странник любит, как любит он камни и деревья, поля и озера, среди которых пролегает его путь и часто выводит к месту отдыха и ночлега.

В сущности, этих трех принципов вполне достаточно, чтобы объединить вокруг весьма значительного содержания многие группировки общественной мысли и повести их на борьбу против общего врага, — всего того, что чуждо этим трем принципам, чуждо великой русской идеи Странничества.

СОВРЕМЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ

Самым замечательным провидцем Революции был безспорно Достоевский и всякий раз, что мы задумываемся о судьбах ее, мы не можем не остановиться на его последнем конечном предсказании: ...спасение России придет из монастыря.

Не странно ли говорить о монастыре в то время, когда не только в России, но и во всем мире происходит борьба с религией и монастыри пустеют и уничтожаются?

Наиболее распространенный в настоящее время взгляд на религию и церковь можно свести к следующей формуле: "Религия, церковь, монастыри — все это не современно и не нужно. Без них можно прекрасно обойтись. Монастыри роскошь. Ведь сколько добрых и сердечных людей среди неверующих..." и т. д. Нельзя не задуматься перед подобной легкой по форме, но глубокой по содержанию, критикой.

Темп современной жизни, требующей поневоле устремленности в область экономическую, пафос практицизма, индустриализации, как то обездушивающий людей и обращающий их "в машины при машинах"... все это приводит к характерному доводу: "где тут думать о душе, когда не то что помолиться, перекреститься некогда". Между тем с церковной точки зрения развитие промышленности (машин) не является злом, раз оно приносит практическую пользу человечеству и облегчает жизнь.

Возможно ли в условиях современности истинное подвижничество и монастырское житие?

На дарованные деньги можно построить обитель, отстраниться от жизни... Дающий достоин уважения. А получающий, пользующийся подаянием? Не является ли подвижничество в таких условиях роскошью? Ведь это выходит искусственным,

тепличным способом выращивания иноков. На чужие деньги спасать свою душу?

Если в прошлые века люди уходили в пустыни и леса, то в наше время таких возможностей нет. До пустыни и леса сам не доберешься, а на визы и паспорта потребуется столько денег, что подобное подвижничество явится просто разновидностью туризма, т. е. своего рода роскошью.

Между тем потребность в монастырском подвижничестве есть и должна быть. И такое подвижничество должно быть осуществимо и в настоящее время и в современных условиях... Тем самым будет доказана осуществимость церковной истинной жизни вне зависимости от эпохи. Должны изменя формы только.

В то время, как в массах замечается падение интереса к религиозной проблеме — среди людей науки, наоборот, атеизм преодолевается. Несколько лет назад один известный математик читал в Брюсселе доклад о религии и науке. В заключение он рассказал свой недавний разговор с Энштейном. Привожу подлинные слова профессора Детондера: "Работая всю жизнь над проблемами математики, я признаюсь, что стал верить в Бога и теперь и в математике **я мыслю в Боге**". На что Эйнштейн ответил: "И я тоже".

Любопытно, что приведенный диалог был встречен спокойно аудиторией. Только несколько старых служащих университетской аудитории заметили: "Времена переменились. Двадцать лет назад за подобные фразы профессора выставили бы из Академии". Ученые прошлого века поддавались влиянию политики и заражались модным буржуазным атеизмом. Теперь атеизм торжествует. В массах он победил, но в среде людей науки происходит отрезвление и преодоление политики в сторону чистого и независимого мышления, которое неизбежно приводит к признанию религиозного начала.

Как примирить церковность с экономикой? Это, пожалуй, один из самых острых вопросов. Если на него не будет найдено ответа, то машины убьют религию.

*
**

Материализм, атеизм — продукты буржуазии. В России коммунисты воспитывают на ненависти к буржуазному миру и

в то же время требуют прямо аскетического служения "общему делу". Само стремление к благу общего и отказ от буржуазного эгоцентризма — явление положительное с церковной точки зрения. Можно уточнить это так: **посколько коммунисты буржуазны, как безбожники — постолько они приносят зло. Посколько же они антибуржуазны в своем тяготении к общему благу — они зарождают добро.**

Задача — оцерковление современной экономической стихии.

Русские монастыри издавна были источником не только просвещения, но и материального производства. Монастырь был и может быть фабрикой, заводом, книгопечатней, мастерской. Почему же и теперь монастырь не мог бы войти в хозяйственную жизнь страны. Если монастырь мог печатать книги, изготовлять различные предметы необходимости, почему же теперь он не мог бы изготовлять такие же предметы необходимости, какими являются хотя бы автомобили?

Или господа Форды и Цитроены сильнее Церкви?

Разве организация труда не входит в задачи Церкви?

*
**

Вопрос в настоящее время идет не о крупном заводе, а о скромном начинании в пределах Зарубежья. Мне кажется, что инициатива только тогда способна создать подражанье и вызвать пафос, когда она произойдет при минимальных затратах материальных средств. В условиях эмигрантского подневольного труда старый тип до - революционного монастыря представляется не подвижничеством, а домом отдыха. Благополучное монастырское житие прежнего времени — розовый идеал нуждающегося или безработного беженца.

Истинное подвижничество без подражания прошлому, а. наоборот, с творчеством будущего, заключается в том, чтобы, начав с ничего, как это делали первые основатели русских обителей — положить начало новому типу православного монастыря.

Представим себе десять человек живущих вместе при церкви. С раннего утра они одевают светскую одежду, идут в кон-

торы и на заводы на работу. Отрабатывают установленные часы и с момента возвращения домой до ухода проводят жизнь в церковном послушании. Физически это возможно. На Афоне отдыхать приходится мало, а работать чрезвычайно много. Если можно работать много в пределах обители вдали от мирских соблазнов, то также точно можно работать и вне обители, для нее.

Весь заработок будет идти в церковь и при всем его ничтожестве будет превышать потребности питания и содержания такого первобытного общежития — предвозвестника монастыря, более крупного размера и более широких заданий. Такие общежития в разных местах беженского рассеяния всегда около убогой церкви, могут вызвать сильное горение православной веры. Нынешние католические монастыри, обставленные прекрасно в смысле комфорта (келии имеют водопровод с горячей и холодной водой, разрешена мясная пища и т. д.) вряд ли могут быть взяты в пример. Это гостинницы - санатории, дома отдыха, но только не подвижнические скиты.

Если когда - нибудь зародится подобное начинание, можно будет утверждать, что Церковь победила своего врага. Намеченный монастырь или общежитие, как начало — явится наглядным доказательством, что Церковь не только не может быть противна экономическому прогрессу, современности, но наоборот, только с подлинным религиозным церковным горением возможно истинное служение человечеству без личной корысти — **подвиг.**

*
**

К обмену, т. е. к торговле - практике, должны были прибегать монастыри во все времена и в этом отношении и намеченный выше монастырь - завод ничем не будет отличаться от прежних и, следовательно, проект в этом смысле ничего еретического не заключает.

Истинная сила и живучесть монастыря будут зависеть от первых иноков — основателей. Важно, чтобы таковыми явились бы молодые крепкие люди. Подвижнический монастырь — творчество. Возможен монастырь для престарелых, усталых — это же совсем иное дело.

В Зарубежьи все же много молодых и здоровых принимают постриг. В значительной степени по недостатку православных монастырей — идут в католические.

Осуществление подобного монастырского общежития имело бы огромное значение. Оно было бы по существу аполитично. Вместе с тем оно дало бы широкую возможность церковной проповеди. Так или иначе, а надо признаться, что сейчас прихожанин, прослушав проповедь о заповедях Христа — в быту неизменно видит полную неосуществимость Евангелия в жизни. С подлинными христианскими идеями немыслимо как будто идти в мир, где единственный царящий принцип: **эксплоатируй ближнего,** иначе **будешь сам эксплоатируем.**

*
**

Особенно важно устроение подобного монастырского жития с точки зрения русской проблемы. Ведь даже в коммунистическом государстве подобные общежития осуществимы. Если они там уже существуют, о чем неоднократно приходилось слышать, то здесь в Зарубежьи **должно** им подражать. В противном случае здесь **должно** подать пример.

Аскетический характер служения **общему** встретил в России сочувствие. Аскетизм очень типичная черта русского характера и она использована коммунистами.

Служение **общему** во имя религиозного идеала должно перетянуть в лоно Православия тех, кто соблазнились атеистической аскезой коммунистического государства.

В миллионной эмиграции следует найти несколько десятков, в лучшем случае, несколько сотен иноков - аскетов. Этим будет положено начало нового типа подвижничества. Откроются широкие возможности борьбы с буржуазным атеизмом - безбожием.

Может быть, это единственный и самый верный способ вырвать почву из под ног коммунистов, утверждая весьма сходственную по форме общину - коммуну с максимальной жертвой во имя **веры.**

Иван Степанов.

Брюссель.

ЭМИГРАЦИЯ И ТРУД

Нынешняя русская эмиграция попала за границу в эпоху, когда во всех почти странах жизнь пролетариата изменилась особенно заметным образом.

Социальная борьба минувшего века, рост сознания, брожение умов, потрясения, вызванные последней войной, угрожающее зарево русской революции — все это дало наконец трудящимся и закрепило за ними права, являвшиеся еще так недавно всего лишь объектом их настойчивых, но долго имущим классом отвергавшихся, требований.

Восьмичасовой рабочий день. Пенсии. Страховка. Охрана детского и женского труда. Всеобщее образование. Легализация профессиональных союзов и т. д. — вот, в общих чертах, некоторые из тех результатов, которые уже оказались достигнутыми в большинстве культурных стран под напором стремления наиболее активных слоев рабочего класса не к частичным изменениям, не к отдельным реформам, как к конечной цели, но к **радикальному** преобразованию **всей** общественной жизни.

Достигнутые пока частичные результаты **уже изменили** не только условия труда и не только внешние формы жизни трудящихся, но в значительной мере и внутреннее ее содержание.

Интересы и кругозор пролетариата **начали** расширяться. Всеобщая грамотность дала почти каждому рабочему в руки газету, а иногда и книгу. Зародилась интеллектуальная и духовная жизнь. Вместо старого, единственно доступного развлечения — непробудного пьянства, с пропиванием последних грошей, с вечными драками в рабочих кварталах и избиванием жен и детей, стали появляться новые интересы, не Бог весть какие высокие, но все же, по сравнению с непробудным пьянством, более достойные. Рабочий увлекается теперь (даже слишком) спортом, ходит в кино, иногда в театр, интересуется искусством...

И если его новые интересы еще не стоят на должной высоте, то тут вина не тех, кто так или иначе добился указанных изменений и улучшений, но тех, кто все еще продолжает злонамеренно, но с лицемерными сокрушениями и вздохами, препятствовать углублению наметившихся перемен и облагорожению психологии масс.

В общем же та рабочая жизнь, которую большинство нынешней эмиграции оказалось теперь вынужденным разделить, уже совсем не та, чем была лет 20-30 тому назад; жизнь какого-нибудь, например, шахтера, работавшего 10-12, а иногда и 14 часов в сутки, т. е. никогда почти не видавшего солнца, не имевшего даже где вымыться после подъема из шахты, шедшего затем в поисках хоть какого - нибудь развлечения прямо в кабак, возвращавшегося оттуда черным, как демон, и пьяным, как стелька, домой, где его ждала, выбившаяся из сил, жена с оравою грязных, больных и мрущих, как мухи, детей и где та "семейная жизнь", которую с такой настойчивостью спасают, как высшую святыню, поклонники отживающего мира, была сплошной дракой, драмой и растлением подростающих поколений.

Вынужденное отступление на целом ряде участков социального фронта тех привилегированных классов, к которым в своем подавляющем большинстве принадлежала и нынешняя "зарубежная Россия", спасло теперь последнюю от тяжести ознакомления с тем, что составляло в прошлом главные ужасы рабочей жизни.

Но несмотря на такое парадоксальное сцепление обстоятельств, при котором частичное поражение мировой буржуазии и полное поражение русской "белой" эмиграции является одной из главнейших сил, спасающих последнюю теперь вместе со всеми другими трудящимися от необходимости испить еще более горькую чашу нужды, лишений и унижений, несмотря на то, одним словом, что трудовая эмиграция поставлена теперь в условия несравненно лучшие, чем те, в которых еще так недавно жили все рабочие и которые буржуазия всегда находила "нормальными", российские зарубежники не перестают теперь плакаться на свою горькую судьбу, не перестают теперь в себе вынашивать самые черные, пессимистические, даже "апокалипти-

ческие" настроения и если еще не бросаются массами под кручу в омут, то только в силу еще теплящейся надежды на то, что "когда - нибудь же кончится эта собачья жизнь".

К одним и тем же новым формам, условиям жизни две различные массы подошли с двух различных сторон:

в то время, как пролетариат большинства культурных стран достиг, **поднялся** до 8-ми часового рабочего дня, оставляя позади себя ужас 12-14-ти часовой работы, да к тому же еще в таких общих условиях, которые совершенно его лишали человеческого образа и подобия,

в это время "зарубежная Русь" докатилась, **упала** до того же самого 8-мичасового рабочего дня, оставляя в своем прошлом привольное житье - бытье, блаженное и сладчайшее ничегонеделание.

Вот почему подход **к одному и тому же историческому этапу, социальному этапу** сопряжен у разных людей с зарождением и развитием совершенно различной психологии:

в то время, как одни переживают весеннюю радость, радость пробуждения, радость выхода из мрачного, темного склепа на чистое, озаренное солнцем место,

в это время другие переживают безотрадное настроение существ, слетевших с розового, залитого солнцем Олимпа прямо в грязную, вонючую лужу.

Конечно, совсем нельзя сказать, что рабочий люд готов уже почувствовать себя вполне удовлетворенным и почить на лаврах. **Этого, разумеется, совершенно нет.** Рабочий класс хорошо сознает, что достигнутого еще недостаточно для того, чтобы успокоиться и что **главное еще впереди.**

Но что в настоящее время для него является наиболее ценным, это то, что поступательное движение в жизни (в котором хочет теперь сомневаться буржуазия), эволюция, прогресс является для него фактом проверенным и доказанным, фактом не подлежащим никакому сомнению и настолько же самоочевидным и бесспорным, как и то, что он дышит, ходит, пьет, ест и т. д.

Одним словом, разница в оценке жизни у настоящего, "не маргаринового" рабочего с одной стороны, и новоиспеченного рабочего, — русского эмигранта, — с другой, громадная. И если для первого достигнутое и существующее далеко еще не яв-

ляется раем, то для второго **то же самое,** наверное, равнозначуще аду.

Что можно было бы по справедливости ожидать от трудовой эмиграции при такой оценке окружающей ее действительности?

Едва ли не самым естественным и справедливым было бы ожидать от эмиграции, — принимая во внимание ее постоянные сетования на тяжесть, беспросветность трудовой жизни, — чтобы она так же, как и наиболее сознательная часть пролетариата, с которым она оказалась теперь физически слившейся, пожелала наконец очищения социальной жизни от всех тех несправедливостей, язв, грехов, которые делают возможным то, что при всех силах и богатсвах, находящихся сейчас в обладании человечества, миллионы и миллионы не только больных, не только старых и немощных, но и молодых, здоровых и трудоспособных людей, вынуждены изо дня в день с тревогою себя спрашивать: "А что будет со мною завтра? Будет ли у меня завтра кров над головою и хлеб насущный? Будет ли чем накормить семью, детей?"

Самым естественным и справедливым было бы, чтобы эмиграция, почувствовав наконец острее, чем все старые, мозолистые, "натренированные" рабочие, всю жестокость существующего порядка, перестала бы "плакать в жилет" и выклянчивать лишь для себя лично всякие подачки, переходя таким образом на положение потерявшего всякое достоинство приживальщика, но вошла бы наконец в ту борьбу окружающих ее сейчас людей, людей потеснившихся с тем, чтобы дать ей место у своего рабочего станка и поделившихся с нею куском хлеба, в ту борьбу за лучшее будущее всего человечества, которую она раньше из своего прекрасного далека так плохо видела и совершенно не понимала.

Самым естественным и справедливым было бы то, чтобы эмиграция **начала желать** и другимъ и, — всем вообще трудящимся, — того же, чего желает себе, и чтобы она **перестала другим желать и оставлять** то, чего она себе не желает...

Но по этому поводу тут же приходится с сожалением отметить, что слезно вымаливая для **себя** у всех богатых подъездов и на страницах своей прессы у "добрых людей" всякие

милости (ссуды, пособия, стипендии, сборы, тепленькие местечки и т. д.), эмиграция в то же время не перестает злопыхательствовать против тех, кто имеет твердость говорить более решительным и определенным языком с этими "добрыми людьми", сидящими и болтающими ножками на набитых сундуках, в то время, как другие из сил выбиваются.

Разделив труд и хлеб с теми, кто всю жизнь не переставал гнуться под тою ношею, которую она торопится так или иначе с себя сбросить, эмиграция реагирует на борьбу своих "товарищей поневоле" даже не одним только злопыхательством, но и целой системой поведения, стяжавшей ей в рабочей среде незавидную репутацию "**предателей**".

Срывание забастовок, работа в первомайский и другие праздники трудящихся, поворачивание спины ко всем профессиональным организациям, заботящимся об улучшении судьбы рабочих, и вообще отказ от всякого проявления элементарной солидарности, понятной даже малым школьникам, не выдающим и не предающим своих товарищей, — вот тот путь, который эмиграция к сожалению пока избрала для осуществления своей, якобы, "великой миссии", о которой ее "идеологи" и "вожди" вещают и трубят на всех перекрестках. Если другой рабочий, — тот, кого благородный эмигрант, верящий в свою "великую миссию", обзывает открыто или исподтишка хамом, мужиком, смердом, плебеем, просто сволочью или "нечистым самарянином", попробует добиться улучшения своего существования, попробует дать своим детям хоть долю того, что другие "добрые люди" считают совершенно необходимым для себя и для своих детей, то благородный эмигрант сразу же станет доказывать, что рабочий одержим "пролетарской завистью", пропитан "гнусным материализмом" и т. д. и не преминет при этом, если только представится возможность, дать этому рабочему под ножку, чтобы тот со своей "невоздержанностью" и "завистливой требовательностью" снова слетел на самое дно черной житейской ямы.

Но разумеется (это необходимо всячески повторять и подчеркивать) такое отношение к другому голодному и нуждающемуся человеку не мешает зарубежному россиянину не переставая плакаться на свою собственную судьбу и искать ее улуч-

шения; все это не мешает ему желать для себя того, в чем он отказывает другим, и оставлять для других то, чего он не желает для себя; все это не мешает ему по отношению к собственной своей жизни оценивать как естественное и даже похвальное стремление придти к "нормальным условиям существования" то, что в жизни других людей он оценивает, как "гнусную, пролетарскую зависть"; все это, наконец, не мешает ему ругать "проклятых иностранцев", "проклятых союзничков" за то, что те не сажают его приживальщиком за свой барский стол за счет трудового пота своих рабочих, обреченных на вечный труд.

Зарубежный россиянин был бы очень не прочь зажить за границей припеваючи и ничего не делая, на спине у тех, кто лезет в шахты и проводит свою жизнь на заводах и фабриках.

И, принимая это во внимание, кто же ему поверит, что его стремление вернуться в Россию не есть прежде всего (если не исключительно) стремление, предоставив другим по прежнему за гроши спускаться в шахты и морить себя у доменных печей и на заводах, для себя в это время придумать что-либо "позамысловатее", но и... поприятнее?

Но если, наблюдая за жизнью эмиграции, нельзя признать того, что ее большинство многое позабыло и хоть чему - нибудь научилось (в смысле с одной стороны сдерживания собственных вожделений, а с другой стороны — понимания чужих нужд и интересов), то все же надо думать, что хоть некоторое ее меньшинство найдет в себе, наконец, решимость критически оценить тот мир, тот социальный порядок, который в настоящее время с новой силой обнаружил свою порочность, допустив наряду со всеми созданными и создаваемыми кругом богатствами, возникновение нового экономического кризиса, сопровождаемого почти повсюду тяжкой безработицей, лишениями и голодом миллионов, десятков миллионов человеческих существ.

Когда человечество голодало от недостатка богатства, от своей бедности, тогда его могла еще до некоторой степени утешать и как бы насыщать надежда на то, что беду можно будет устранить более напряженным и более искусным трудом.

Но когда теперь нынешние руководители общественной

жизни наконец "гениально" додумались до создания такого социального порядка, в котором голод, нужда, лишения неизбежно, автоматически и непреодолимо вытекают из богатства, из обилия, из избытка, когда развитие, улучшение условий существования трудящейся, наиболее нуждающейся, части человечества натолкнулось вдруг на грозное препятствие в виде "промышленного перепроизводства", т. е. в виде колоссального накопления всех произведенных общим человеческим трудом средств существования в руках магнатов капитализма, то тогда на что еще остается надеяться и над чем остается еще работать и трудиться, как не над уничтожением этого порядка и не над заменой его иным, излеченным от этого парадоксального и позорного обуславливания тяжкой нужды невиданной роскошью и избытком?

Вот то заключение, к которому должна притти та часть трудовой эмиграции, которая, обогатив свой опыт переживаниями и наблюдениями последних лет, могла научиться лучше понимать потребности и интересы других людей, глубже разбираться в социальных отношениях и испытала наконец потребность хоть как нибудь, хоть в какой бы то ни было мере посодействовать оздоровлению общественной жизни, все еще пораженной, несмотря на все достигнутые частичные улучшения, всякими бедами и язвами.

А. Хилков.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

О „СУДЬБЕ РОССИИ“ *)

Бывший советник полпредства в Стокгольме выпустил книгу “Судьба России”. Она разбита на 39 писем к друзьям. Выдержки уже были напечатаны в газете “Руль”. В лице С. В. Дмитриевского можно приветствовать первого представителя так называемой третьей эмиграции, ставшего на позиции пореволюционных течений, органом которых являются “Утверждения”. Новый “невозвращенец” не примкнул ни к отживающим свой век демократам, ни к белым “болтай - активистам”. С другой стороны он не пошел и с запутавшейся в тенетах марксистской схоластики группой правых оппозиционеров “Путь Труда”. С. В. Дмитриевского назвали полуевразийцем. Это конечно неверно. Правда, он употребляет несколько раз в своей книге термины Евразия, Евразийство. Но имеет в виду лишь коммунистический аспект Евразийства, т. н. ком - евразийство и жестоко на него обрушивается, считая основным злом современной России ее “азийство”. Вообще он большой поклонник Запада, европейской культуры и даже демократии, признавая, правда, что нынешний парламентаризм зашел в тупик. С. В. Дмитриевский принимает Октябрьскую Революцию, однако, он не хочет видеть ее вселенской заданности, ее мессианства, имеющего столь глубокие исторические корни в России. Он склонен втиснуть Революцию в узко - национальные рамки. Опору национальной идеи он видит в крестьянстве, единственном верном и последовательном ее носителе. Признавая, что эмиграция сыграет не малую роль в борьбе с коммунизмом, питая советскую действительность поре-

*) С. Дмитриевский, “Судьба России” (письма к друзьям). Издательство “Стрела”. Стокгольм, 1930.

волюционными идеями, он считает, что живая (и любимая им) Россия — там.

Судьбу коммунистической власти решит красная армия (вооруженное и организованное крестьянство) — на смену же должна быть установлена либеральная внепартийная диктатура, отражающая интересы всех классов, всех слоев населения. С. В. Дмитриевский выдвигает лозунг либерального цезаризма, как продолжения национальной народной революции. Но это лишь переходная власть до установления полного народовластия, являющегося его конечным идеалом. Экономически он считает наиболее желательным государственно - частную систему, при сильно развитой кооперации во всех областях хозяйства. Кооперативные центры должны быть мощным конкурентом гос - капитализму. Несколько интересных глав посвящены Ленину. Враждебность С. В. Дмитриевского к коммунистической диктатуре, отражающей, по его мнению, лишь интересы люмпен - пролетариата, не помешала ему воздать должное гению "Ильича". В Ленине он видит большого русского патриота, великого преобразователя России. Смерть его была величайшим несчастием для Русской Революции. Он привел бы Россию к настоящему народоправству. Теперь его именем правят "могильщики народной революции, доведшие ее до тупика". Новые, свежие силы, автор видит в религиозных организациях, оказывающих в затхлой советской атмосфере благотворное влияние на забитые марксистской жвачкой умы российской молодежи. С. В. Дмитриевский дает в своей книге много интересных и отчасти новых данных из жизни Троцкого, Сталина, Бухарина и других бывших и настоящих вождей коммунизма. Высказываемые им мысли оригинальны и порою даже парадоксальны; проводится им несколько любопытных исторических аналогий. Книга рассчитана на рядового читателя и читается с захватывающим интересом.

Н. Перфильев.

Брюссель.

Impr. des Travailleurs Intellectuels, 9-bis, rue Bellot, Paris
Le Gérant M. Bisnovaty.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

Взвихренная Русь

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ ТАИР “

ПАРИЖ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Статьи (по возможности не свыше 5 печатных страниц), информационный матерьял, издания для отзыва и т. д. надлежит направлять по адресу:

Mr Georges Schirinsky-Schikhmatoff

7, Av. de Bellevue, Sèvres (S. et O.), France.

Рукописи просят присылать четко написанными (желательно — перепечатанными на машинке) на одной стороне листа, с широкими полями.

Редколлегия сохраняет за собой право сокращений и исправлений текста. Непринятые рукописи возвращаются лишь при оплате почтовых расходов.

Как правило — статьи должны быть подписаны полным именем; псевдонимы и буквы будут допускаться лишь в исключительных случаях.

Редакция просит сообщать ей адреса лиц, сочувствующих направлению журнала.

Отдельные номера можно выписывать по цене 35 амер. центов (в любой валюте); наложенным платежом — на 10 % дороже.

Л. Б.

Национал-Максимализм

-- и --

Национал - Большевизм

ИЗДАНИЕ НИЦЦКОГО КРУЖКА
ПОЛИТИЧЕСКОГО САМООБРАЗОВАНИЯ